

Макс Брукс. Успокоение Ltd

Посвящается Мишель Колос Брукс, благодаря которой нет ничего невозможного.

Предисловие

Меня нашли зомби. Сам я, разумеется, встречи с ними не искал. Все началось примерно в 1985 году. Мне тогда было около 13 лет. Родители как раз провели так называемое «кабельное телевидение», и, согласно циркулировавшим в школе слухам, благодаря этому новомодному изобретению по телевизору иногда можно было увидеть настоящих женщин, просто так раздевающихся догола! Всякий раз как родители уезжали в ресторан, я проникал в их спальню, усаживался перед телевизором и с терпением, достойным буддийского монаха, таращился в экран. Я ждал, надеялся, молился, и вдруг в один из вечеров это случилось. Вот она – настоящая, из плоти и крови женщина, полностью обнаженная! Она шла по какой-то тропической деревушке, а вокруг нее плясали дикари. Мой неокрепший разум отчаянно пытался воспринять то, что жадно впитывали глаза, а в голове вертелась лишь одна мысль: «Моя жизнь изменилась навсегда». Если бы я знал, как недалек был от истины.

Они появились из темноты совершенно неожиданно, медленно волоча ноги, издавая жуткие стоны... Мысли о полуголых девицах вмиг выветрились из головы.

Дальнейшее я помню весьма смутно. В основном в памяти всплывают кошмарные кадры с кричащими людьми, которых хватают и пожирают заживо. Вспоминается какое-то небольшое животное (кошка?), отскакивающее от тела пожилой женщины. Бледный мертвец с запекшейся кровью на губах. Лидер какого-то государства, умоляющий о помощи, в то время как другие делегаты ООН тщетно спорят о выработке плана дальнейших действий. Но сильнее всего я запомнил ИХ. Безмозглых, неуклюжих и абсолютно бездушных. Они напомнили мне фильм об огромной акуле, названной одним из персонажей «пожирающей машиной», и картину о киборге-убийце, который «не испытывает ни сострадания, ни угрызений совести, ни страха и никогда и ни перед чем не остановится». А еще мне вспомнилась вполне реальная эпидемия, свирепствующая в те времена во взрослом мире моих родителей и уносящая жизни их друзей одну за другой. Эти создания были олицетворением моих самых жутких кошмаров. Имя им – зомби.

Фильм, который я смотрел той ночью, назывался «Ночь зомби», и я на 99,9 % уверен, что создатели картины включили в свое творение фрагменты документальной хроники про каннибалов. Так это или нет, но в мое подростковое сознание впечатался каждый его кадр. Еще несколько лет после этого меня преследовало трепетное воспоминание об этих отвратительных существах, избавиться от которого, как мне казалось, я не смогу уже никогда. Под натиском безжалостных пожирателей плоти люди в картине оказывались абсолютно беспомощными. Разве в аналогичной ситуации меня не ожидала бы подобная участь? Я жил с этой мыслью, пока вдруг не узнал о нем!

Его звали Джордж Ромеро, а снятая им картина называлась «Ночь живых мертвецов». Кажется, мне было лет 17–18, когда я впервые ее посмотрел – в то время уже в своей комнате со своим кабельным и, надо заметить, будучи не таким озабоченным полуголыми женщинами, как в начальный период полового созревания. Я было решил, что мой былой трепет перед зомби в прошлом, а тут на тебе, все заново! Пожиратели

плоти вернулись, причем были они не менее прожорливы, чем их итальянские собратья. Как и прежде, разворачивающаяся сцена кровавой расправы вселяла ужас, и, как и в прошлый раз, я был не в силах отвести взгляд от экрана.

И тут меня осенило, что в этом фильме есть нечто, что разительно отличает его от той бесшабашно-нигилистической кровавой вакханалии, порожденной европейским кинематографом. В этом фильме есть НАДЕЖДА. Неожиданно выявились некие правила игры, четкие границы, которые обозначали сильные и слабые стороны монстров. Зомби не так умны, как мы, не так сильны и не так проворны. И самое главное – их можно остановить! Одна пуля в мозг, вот и все, что для этого требуется! Мне вдруг все стало ясно: страх вызывают не сами зомби, а наша неспособность противостоять им! Со мной такой номер не пройдет, как бы говорят персонажи фильма! Я буду действовать расчетливо. Подготовлюсь заранее. Я не поддамся страху или безрассудству. Если они нагрянут, сделаю все, чтобы выжить!

Много лет спустя, когда мир охватила паника перед, казалось, неизбежным апокалипсисом вследствие «компьютерного сбоя 2000 года», мне все чаще стали попадаться на глаза разного рода пособия по выживанию в тех или иных катастрофических ситуациях. «А как же зомби?» – подумал я. Кто-то определенно должен написать книгу о том, как выжить во время нашествия ходячих мертвецов! Просто обязан найтись какой-нибудь чокнутый с синдромом навязчивых состояний и кучей свободного времени, который, несколько раз задавшись вопросом «а что, если?», начнет действовать. К счастью или нет, но этим чокнутым суждено было стать мне.

Я не предполагал, что книга «Зомби. Руководство по выживанию» будет опубликована. Писал я ее для собственного удовольствия. Ходячие мертвецы продолжали будоражить мое воображение (и пугать меня), и по мере того как я выросл, моя одержимость ими лишь усиливалась. Зомби как явление глобальное может служить идеальной призмой для рассмотрения процессов разрушения общества. Зомби – это и атипичная пневмония, и СПИД, и ураган, в результате которого затопленным оказывается весь город, и распространение идеи сверхчеловека, погружающей целый континент в хаос войны. Зомби – это некая реальная угроза вроде пандемии, а подобные явления имеют свойство выявлять в людях слабости, губительные для них самих. Страх перед зомби у меня не исчезнет никогда.

Успокоение, Ltd: история из «Войны миров Z»

Беруфьордур, Исландия

Томас Кирстед выглядит точь-в-точь как на довоенной фотографии. Да, он довольно сильно похудел, а волосы почти полностью побелели, но во взгляде нет и намек на выражение страдания, какое бывает у человека, избежавшего смерти. Он машет мне с борта «Королевы Африки». Бывшая парусная яхта трехсотфутовой длины и сейчас выглядит элегантно, несмотря на золотые паруса и серую военную окраску. Судно, некогда бывшее дорогой игрушкой Саудовской королевской семьи, теперь ходит под флагом Европейского Союза и служит мобильным штабом компании «Успокоение, Ltd».

– Добро пожаловать на борт! – Как только катер пришвартовывается к борту, доктор Кирстед протягивает мне руку. – Хорошая компания собралась, а? – Слова относятся к

флотилии боевых кораблей и десантно-войскового транспорта, стоящей на рейде во фьорде. – К счастью, это всего лишь разведывательный поход. Доставать субъектов становится все труднее. Юго-Восточная Азия надежно охраняется, поступления из Африки иссякают. Россия была нашим лучшим экспортером, неофициально, конечно, но сейчас... Русские наглухо закрыли границу. Больше никаких «гибких взаимоотношений», в том числе на уровне частных лиц. Куда катится мир, если даже русским невозможно сунуть на лапу? – Он усмехается.

Мы спускаемся на палубу В. Из люка, залитого светом грузового отсека в конце коридора, внезапно раздается громкий рев.

– Нет, это не они. – Кирстед машет через плечо. – Это чемпионат по крикету, Шри-Ланка против Вест-Индии. Мы принимаем прямой сигнал Би-би-си с Тринидада. Все субъекты содержатся в самом низу в специально оборудованных каютах. Недешево, конечно, но недешево вообще все, что мы тут делаем.

Спускаемся на палубу С, минуя каюты членов экипажа и шкафы с различным оборудованием.

– Официально нашу деятельность финансирует Министерство здравоохранения ЕС. Оно предоставляет корабли, персонал, оказывает военную помощь в отлове субъектов, а если военных в распоряжении нет, оплачивает услуги частных наемников, таких как «Имписи». Ну, знаете – «гиены». Они тоже обходятся недешево.

Государственного финансирования из Америки мы вообще не получаем. Я смотрел дебаты в вашем конгрессе по парламентскому телеканалу. Помню, здорово меня позабавило, когда тот сенатор попытался открыто выступить в поддержку государственного финансирования. Его после того случая вроде задвинули куда-то в департамент национальной похоронной службы.

Ирония в том, что основная часть денег поступает к нам как раз из Америки, от частных лиц и благотворительных организаций. Ваш [имя вымарано по причинам юридического характера] основал фонд, который дал десяткам ваших соотечественников возможность воспользоваться нашими услугами. Нам необходим каждый доллар, каждый кубинский песо, если хотите. Сейчас лишь деньги и имеют значение.

Поимка субъектов трудна и опасна, очень опасна, но этот этап работы относительно дешев. Подготовка – вот на что утекает львиная доля средств. Недостаточно просто найти субъекта нужного роста, комплекции, пола, с более или менее подходящими чертами лица. – Кирстед качает головой. – Настоящая работа начинается уже после того, как он оказывается в нашем распоряжении.

Волосы необходимо вымыть, остричь, возможно, перекрасить. Чаще всего основные черты лица приходится реконструировать, а то и вовсе создавать с нуля. У нас тут трудятся лучшие специалисты из Европы и Америки. Большинство из них работает за фиксированную плату или даже на общественных началах, но некоторые хорошо понимают, сколько стоит их талант, и требуют оплаты чуть ли не посекундно. Талантливые, черти.

Спускаемся на палубу Е. Проход на эту уже закрыт тяжелой металлической дверью и охраняется двумя крепкого вида вооруженными мужчинами. Кирстед что-то говорит им по-датски. Мужчины кивают в ответ и устремляют взоры на меня.

– Вынужден извиниться, – говорит Кирстед. – Не я тут выдумываю правила.

Предъявляю паспорта – американский и Европейского Союза, – заверенную копию договора и письмо-согласие с печатью Министерства психического здоровья ЕС. Караульные внимательно изучают документы, даже просвечивают их довоенными ультрафиолетовыми лампами, затем кивают мне и открывают дверь. Мы с Кирстедом проходим в искусственно освещенный коридор. Воздух здесь неподвижен, без запаха и до крайности сухой. Слышно мерное жужжание то ли нескольких маленьких, то ли одного очень большого и мощного осушителя воздуха. По обе стороны тянутся ряды тяжелых стальных дверей с электронными замками, возле каждой из которых висит предупреждение на нескольких языках о запрете доступа посторонним лицам. Кирстед немного понижает голос:

– Вот здесь это и происходит. Подготовка. К сожалению, мы не можем туда зайти. Запрещено по соображениям безопасности персонала, думаю, вы понимаете.

Продолжаем путь по коридору. Кирстед жестами указывает на двери, не прикасаясь к ним.

– Лицо и волосы – лишь часть этапа подготовки. «Гардеробная персонализация» – вот настоящее испытание. Терапия просто-напросто не будет работать, если субъекты, скажем так, будут «носить» не ту одежду или не будут иметь при себе определенных личных вещей. Тут нас здорово выручает глобализация, хоть за это ей спасибо. Футболки, изготовленные, например, в Китае, можно найти в Европе, Америке, да и вообще везде. То же самое с электроникой и ювелирными украшениями. У нас договор с одним ювелиром на производство эксклюзивных украшений, хотя вы бы удивились, узнав, как часто нам в рознице удавалось отыскивать полные аналоги этих так называемых «единственных в своем роде» вещиц. Кроме того, у нас тут есть специалистка по детским игрушкам. Правда, она их не изготавливает, а модифицирует. Знаете, никто не способен так индивидуализировать игрушку, как ребенок. То есть, к примеру, у плюшевого мишки может не хватать глаза, а у солдатики один башмак будет черный, а другой – коричневый. У нашей специалистки по этой части есть склад игрушек в Лунде. Я его видел: огромный старый ангар для самолетов, внутри которого горками насыпаны различные игрушечные аксессуары: расчески для кукол, оружие для солдатиков. Там таких горок сотни, тысячи. Мне эта картина напомнила поездку в студенческие годы в концлагерь Аушвиц: горы очков и детских туфелек. Ума не приложу, как Ингвильд во всем этом разбирается. Просто одержимая женщина.

Помнится, как-то раз нам понадобился «особый пенни». Клиент попался специфический. В свое время он был кем-то вроде «агента по развлечениям» в Голливуде, работал с [имя вымарано по причинам юридического характера] и многими другими умершими звездами. В письме он написал, что однажды отвез своего сына в местечко под названием «Город путешествий». Это что-то типа музея поездов в Лос-Анджелесе. Он еще сообщил, что то был единственный раз в его жизни, когда он провел с сыном весь день. Так вот, в «Городе путешествий» стояло такое устройство, в которое если бросишь пенни

и дернешь за рычаг, то монетка перекуется в особый медальон. Клиент сказал, что в день эвакуации сын отказался расставаться с медальоном. Мальчик даже уговорил отца проделать в нем дырку, чтобы можно было продеть в нее шнурок и носить на шее. Половина письма клиента состояла из подробного описания этого уникального пенни. Описывался не только дизайн, но и цвет, степень старения, толщина и даже указывалось точное место, в котором было проделано отверстие. Я понимал, что мы не сможем найти ничего и близко напоминающего медальон. Но нам помогла Ингвильд, и знаете, что она сделала? Создала новый, совершенно идентичный. Отыскала в сети документы компании, а потом передала копию дизайна одному местному слесарю. Ингвильд состарила монету, как профессиональный химик, – с помощью нужной комбинации соли, кислорода и искусственного света. Но главное, она позаботилась о том, чтобы вещь была изготовлена из пенни, выпущенного до 1980 года, когда американское правительство вывело из оборота медяки. Дело в том, что когда такую монету сминаешь прессом и обнажается внутренний металл... Простите, «слишком много информации», как вы, американцы, говорите. Я вам это говорю, просто чтобы показать, насколько мы здесь преданы своему делу. Между прочим, зарплата Ингвильд обеспечивает только прожиточный минимум. У нее, как и у меня, «комплекс вины богача».

Мы спускаемся на палубу F – самую нижнюю на борту «Королевы Африки». Хотя она тоже освещена искусственно, здешние лампы по яркости не уступают солнцу, каким оно было до войны.

– Мы пытаемся имитировать солнечное освещение, – объясняет Кирстед. – Кроме того, в каждой каюте воссоздаются звуки и запахи в соответствии с пожеланиями клиентов. Чаще всего они умиротворяющие – аромат сосны, щебетание птиц, – но вообще все зависит от клиента. Был у нас тут один человек из континентального Китая, приезжал с ознакомительным визитом, чтобы выяснить, есть ли смысл тамошним властям создавать предприятие наподобие нашего. Он прибыл из Чунцина и хотел слышать звуки городского шума и ощущать запахи промышленных отходов. Нашей команде пришлось микшировать аудиодорожки со звучанием различных автомобилей и автобусов, производимых в Китае, а чтобы воспроизвести токсичный смог – смешать запахи угля, серы и этилированного бензина.

Получилось. Как и с особым пенни. Должно было получиться. Иначе какой, к черту, смысл во всей этой затее? Зря мы, что ли, тратим время, деньги, да еще и рискуем психическим здоровьем местных работников? Мы постоянно переживаем то, что весь проклятый мир пытается забыть, а знаете почему? Потому что это работает. Потому что так мы помогаем людям, даем им именно то, что заключается в названии компании. Наш коэффициент эффективности достигает семидесяти четырех процентов. Большинству клиентов удается восстановить некое подобие жизни, оставить трагедию в прошлом, обрести что-то вроде успокоения. Это единственная причина, почему тут работают такие, как я. Лучшего места для преодоления «комплекса вины богача», чем здесь, и не сыскать.

Мы направляемся к последней каюте. Кирстед достает ключ и поворачивается ко мне.

– Знаете, до войны словом «богатый» обозначали обладателя материальных ценностей – денег, вещей. У моих родителей не было ни того ни другого, хотя они жили в такой, казалось бы, социалистической стране, как Дания. Один мой друг был богатым и всегда за

меня платил, хотя я никогда его об этом не просил. Он постоянно ощущал себя виноватым из-за своего богатства, даже как-то раз признался мне в этом. Сказал, как несправедливо, что у него в отличие от других есть все. «Несправедливо». – В первый раз с момента нашей встречи с лица Кирстеда сходит улыбка. – Я не потерял ни одного члена семьи. Серьезно. Мы все выжили. Я понимал, к чему все идет, «почуял, куда ветер дует», как вы, американцы, любите выражаться. Не долго думая, я продал дом, купил все необходимое для выживания и еще за полгода до всеобщей паники переправил семью на Шпицберген. Жену, сына, двух дочерей, брата со всей его семьей – они все до сих пор живы, – трех внучат и пятерых племянников. А этот мой старый друг, у которого было «все»... он был у нас с месяц назад. Самое большое богатство сейчас – жизнь, вот поэтому мы и называем свое состояние «комплексом вины богача». Хотя, возможно, его стоило бы назвать «комплексом стыда богача», ведь люди вроде нас почему-то не любят обсуждать эту тему. Даже друг с другом. Помню, как я однажды пришел к Ингвильд на склад, и у нее на столе стояла фотография. Я вошел без стука и немного ее смутил. Она молниеносно бухнула фоторамку на стол, не успев даже посмотреть, кто пришел. Инстинкт. Чувство вины. Стыда. Я не стал спрашивать, кто изображен на фото.

Останавливаемся у последней каюты. На переборке возле двери болтается планшет с копией договора, еще одной. Кирстед смотрит сначала на документ, затем виновато на меня.

– Прошу прощения. Знаю, что вы подписали договор, но, поскольку вы не гражданин ЕС, правила требуют еще раз прочитать текст договора и расписаться на дополнительной копии формуляра. Понимаю, что перечитывать эту казуистику удовольствие сомнительное, и будь моя воля, я бы разрешил вам просто расписаться, да и дело с концом, но... – Он стреляет глазами в сторону камеры видеонаблюдения над головой.

Делаю вид, что читаю. Кирстед вздыхает:

– Знаю, что многие люди не одобряют нашу деятельность. Они считают ее аморальной или как минимум бесполезной. Я их понимаю. Для многих из них счастье в неведении. Неведение спасает их, заставляет двигаться вперед. Благодаря ему люди продолжают жить дальше, восстанавливаются физически и морально, так как подсознательно надеются, что однажды наступит день, когда некогда потерянный человек вдруг снова появится у них на пороге. Ощущение неопределенности дает им надежду, а «Успокоение», напротив, ее убивает.

Но есть и другая категория выживших, а именно те, кому неопределенность не дает покоя. Такие продолжают неустанно прочесывать руины и массовые захоронения и перелопачивать бесконечные списки погибших. Это люди, которые предпочли надежде правду, но при этом, чтобы жить дальше, им требуется какое-нибудь материальное подтверждение этой правды. Конечно, мы не предоставляем клиентам правду, и в глубине души они это сознают. Но они верят в нее, потому что хотят верить, равно как и те, кто глядит в пустоту и видит надежду.

Я ставлю подпись на последней странице формуляра. Кирстед вытаскивает ключ-карту.

– Между прочим, мы составили обобщенный психологический портрет человека, обращающегося к нам за помощью. Чаще всего это энергичная по характеру личность –

активная, решительная, привыкшая самостоятельно управлять своей судьбой. – Он глядит на меня искоса. – Это, естественно, очень широкое обобщение, однако для многих людей утрата контроля над собственной жизнью – самая большая потеря того времени, и эта процедура дает им видимость возвращения былой власти.

Кирстед вставляет ключ-карту в слот, красный огонек на замке сменяется зеленым, и дверь открывается. Я захожу в каюту. Внутри пахнет шалфеем и эвкалиптом, а из закрепленных на переборках динамиков льются звуки приборья. Я смотрю на стоящего передо мной субъекта. Он смотрит на меня. Начинает яростно бороться с удерживающими его ремнями, пытаюсь дотянуться до меня. Затем широко распахивает рот и воет.

Понятия не имею, сколько времени гляжу на субъекта. Наконец я поворачиваюсь к Кирстеду и согласно киваю. На его лицо снова возвращается улыбка.

Датский психиатр подходит к небольшому сейфу у задней переборки.

– Как я понимаю, свой вы не взяли.

Я отрицательно качаю головой.

Кирстед отходит от сейфа и вкладывает мне в руку небольшой автоматический пистолет. Проверяет, что в оружии только один патрон, затем отступает назад и выходит из каюты, притворив за собой дверь.

Я навожу метку лазерного указателя на лоб субъекта. Он порывается броситься на меня, рычит и клацает зубами. Я спускаю курок.

Стив и Фред

– Их слишком много! – завопила Наоми в унисон визгу скользящих мотоциклетных шин.

Они затормозили как раз на границе леса. Под сиденьями грозным зверем урчал мощный двигатель «бьюлла». Стив, сощурившись, оглядел внешнюю стену. Сейчас его беспокоили не зомби. Главные ворота лаборатории оказались заблокированы. Въезд перегораживали выгоревший дотла остов того, что когда-то было тягачом, и военный «хамви», с которым грузовик столкнулся. Должно быть, после удара полуприцеп продолжил по инерции движение вперед, после чего, опрокинувшись, подмял под себя обе машины. На асфальте, в том месте, где натек расплавленный огнем алюминий, словно лед, поблескивали белесые застывшие лужицы. Здесь проехать не удастся.

– Придется воспользоваться служебным проездом, – бросил Стив Наоми через плечо.

Нейробиолог удивленно вскинула голову:

– А он есть?

Стив невольно усмехнулся – при всем ее уме Наоми иной раз могла быть наивной до глупости. Он облизнул палец и картинно поднял его, подставляя ветру.

– Давай-ка поглядим.

Лаборатория была полностью окружена. Стив ожидал этого. Вокруг шестигранного периметра, медленно волоча ноги и шаря руками по забору, бродило около нескольких сотен мертвецов.

– Не вижу никакого служебного проезда! – воскликнула Наоми, стараясь перекрыть рокот мотоцикла.

– А он и не потребуется! – крикнул Стив в ответ.

Вот оно! Место, где живые мертвецы недавно толпились у стены. Вероятно, по другую ее сторону находилось что-то, привлекавшее их внимание: выживший человек или раненое животное. Кто знает, да и какая разница? Что бы там ни было, это нечто влекло их так сильно, что находящиеся у основания стены смердяков напирание сзади собратья буквально впечатали в облупленные каменные блоки. В результате такой давки под стеной образовалась расположенная под углом плотная масса утрамбованной мертвечины, по которой еще способные двигаться смердяки могли как по пандусу подниматься вверх и переваливать на другую сторону.

Основное столпотворение, видимо, случилось несколько часов назад. От добычи с тех пор остались рожки да ножки, и теперь лишь несколько мертвецов восходили или заползали вверх по горе трупов. Было видно, что у затоптанных некоторые части тела все еще шевелятся – то рука у кого-то дернется, то челюсти щелкнут. Об этой мешанине Стив волновался меньше всего; сейчас его заботили уцелевшие. Да и то не сильно. Он еле заметно кивнул сам себе. Проблем не возникнет.

Наоми не сразу среагировала, когда Стив повернул руль мотоцикла в сторону пандуса из мертвых тел. Лишь после того, как взревел двигатель, она наконец посмотрела туда, куда он метил.

– Ты что... – начала было Наоми.

– Это единственный путь.

– Да это безумие! – заорала она, убирая руки с его пояса и собираясь соскочить с мотоцикла.

Стив инстинктивно выбросил левую руку назад, схватил запястье Наоми и снова плотно прижал к себе. Обернувшись и увидев ее испуганный взгляд, он моментально наклеил на физиономию свою фирменную улыбку:

– Доверься мне.

Бледная как мел, с круглыми как блюдца глазами Наоми лишь кивнула и обхватила его что было сил. Стив, не переставая улыбаться, снова устремил взор к куче затоптанных зомби. Ну, вонючее отребье, встречайте гостя!

«Бьюлл» сорвался с места со скоростью пули и, с шумом рассекая встречный ветер, понесся вперед. Пятьсот ярдов... четыреста... триста... Несколько зомби у подножия ramпы заметили их, развернулись и побрели навстречу летящему на них двухколесному коню. Двести ярдов... сто... Вот, теперь они уже кучкуются, сбиваются в небольшую, но плотную группу, перегораживая путь. Не моргнув глазом, Стив выхватил из-за потрепанного кожаного ремня «М-4» и, не сводя взгляда с противника, с силой потянул зубами за

рукоятку перезарядки. Подобный номер он уже проделывал раньше, в ночь, когда его «харриер» потерпел крушение близ Фаллуджи. При падении Стив сломал обе руки и ногу, но его боевой дух не был сломлен. Он попытался взвести автомат зубами. Тогда это сработало, и будь он проклят, если фокус не сработает и в этот раз! Стив с облегчением услышал щелчок, с которым первый патрон отправился в патронник.

Времени на прицеливание нет. Придется стрелять от бедра. Выстрел! Левый глаз ближайшего зомби превратился в кровавое месиво, а из развороченного затылка вылетел фонтан красно-коричневой массы. В иной ситуации Стив не преминул бы воспользоваться возможностью прокомментировать собственную меткость, однако сейчас времени не было. Второй выстрел! Третий! Еще пара мертвяков безвольно, словно марионетки, которым перерезали ниточки, повалилась на землю. В этот раз он самодовольно осклабился. То, что доктор прописал.

Впереди стало немного свободнее, но хватит ли времени расчистить дорогу полностью, учитывая, с какой бешеной скоростью они несутся?

– О Господи! – завизжала Наоми.

Когда до цели оставался всего какой-то десяток метров, Стив перевел карабин в автоматический режим стрельбы и осыпал надвигающихся мертвецов целым градом свинцово-медных билетов в преисподнюю. «Передайте от меня привет сатане! – мысленно напутствовал он их. – Или моей бывшей жене, если встретите ее раньше».

Патроны кончились как раз в тот момент, когда наземь рухнул последний зомби, и стасорокашестисильная машина с глухим звуком врезалась в груды тел. Ломая кости, перемалывая колесами разлагающуюся зловонную плоть, мотоцикл взмыл на вершину импровизированного пандуса, и уже через секунду Стив с Наоми летели по другую сторону забора.

– Да!!! – заорал Стив; на мгновение он вновь ощутил себя пилотом военного самолета, несущегося над иракской пустыней и сеющего разрушения и смерть на земле во имя торжества демократии. Правда, в отличие от истребителя «AV-8» этой машиной нельзя было управлять в воздухе.

Переднее колесо «бьюлла» врезалось в асфальт автомобильной парковки и скользнуло по луже человеческих останков. Удар оказался такой силы, что оба седока подскочили на кожаном седле, когда-то явно сделанном на заказ, и кувырком полетели на землю. Стив сгруппировался, прокатился по асфальту и стукнулся о колесо разбитой «тойоты-приус». Сверху, из проема распахнутой дверцы гибридного автомобиля, на него глядел водитель – без рук и с обглоданным лицом. Что планету не смогла спасти эта дурацкая колымага, что своего владельца, отметил про себя Стив.

Он вскочил на ноги. Наоми лежала в нескольких ярдах поодаль лицом вниз и абсолютно неподвижно. Черт! Мотоцикл валялся в стороне. Одному Богу известно, смог ли хоть один из них двоих пережить падение.

И тут Стив услышал стенания и почуял невыносимый трупный смрад. Его как током пронзило. Он крутанулся на месте и увидел, что на них надвигается небольшая кучка зомби. Куда, черт побери, делся «М-4»? Стив помнил, что в момент приземления карабин

выскользнул у него из руки, даже слышал звук, с которым тот запрыгал по твердому асфальтовому покрытию, но где оружие сейчас? Видимо, отлетело под машину, вот только под какую? На парковке стояло несколько сотен автомобилей, и это значит, что несколько сотен их бывших хозяев, ныне превратившихся в зомби, скорее всего бродят где-то неподалеку. Впрочем, не было времени забивать ими голову, равно как и искать карабин. Мертвяки – сейчас их группа насчитывала уже штук двадцать – медленно, но верно приближались к неподвижному телу Наоми.

Рука Стива инстинктивно нырнула под куртку за 9-миллиметровым пистолетом. Нет. Он остановил себя. Если не удастся отыскать «М-4» или он окажется вышедшим из строя, «глок» останется их единственным огнестрельным оружием. Кроме того, подумал Стив, любовно ощупывая за спиной ножны из акульей кожи, это будет просто неуважением к «Мусаши».

Вжик, и в лучах полуденного солнца блеснул 23-дюймовый клинок меча «ниндзя-то», столь же безупречно чистый и ослепительно сверкающий, каким он был в день, когда сенсей Ямамото подарил его Стиву на Окинаве. «Его имя – Мусаши, – сказал тогда старый мастер. – Дух воина. Обнажив меч, ты должен утолить его жажду кровью». «Что ж, – подумал Стив, – будем надеяться, что тухлая жижа в венах смердяков сойдет за кровь».

В отражении клинка мелькнул первый зомби. Стив размахнулся и нанес удар аккурат в нижнюю часть шеи. Лезвие меча рассекло мышцы и кости с легкостью ножа, входящего в масло, и голова противника, щелкая челюстями, закатилась под сгоревший мини-вэн.

Клинок вниз и вперед.

Другой зомби потянулся к Стиву, намереваясь ухватить его за воротник, но мужчина ловко нырнул под правую руку мертвеца и появился у того за спиной. Еще одна голова покатилась по асфальту.

Вдох и выпад.

Третий получил клинком «Мусаши» прямо в левый глаз.

Финт и замах.

Четвертый лишился верхней части головы. Теперь Стив находился всего в нескольких шагах от Наоми.

Клинок вниз и вперед!

Череп пятого смердяка оказался рассечен надвое прямо по центру.

– Стив, – прозвучал едва слышно голос Наоми. Она огляделась затуманенным взглядом. Жива.

– Все в порядке, детка. – Стив рывком поставил ее на ноги, попутно всаживая клинок в ухо подбиравшегося к ним мертвяка.

Так и подмывало попытаться поискать «М-4», однако времени на поиски не было. «Там, куда мы направляемся, их будет гораздо больше», – подумал Стив.

Мозг, некогда провозглашенный «главным достижением эволюции», выскочил целиком из разmozженной черепной коробки. Вращаясь в воздухе, он полетел в сторону «бьюлла» и с хлюпающим шлепком приземлился прямо возле переднего колеса. Тачдаун.

Стив вложил в ножны короткий смертоносный меч и не спеша пошел назад, к Наоми.

– Теперь-то все? – спросила она.

Стив посмотрел на приближающийся «блэкхок». Через пять минут он приземлится на крышу. Как раз вовремя.

– Да. Надо было убрать мусор, – ответил он, не глядя на нее.

Он повернул ручку акселератора, и Наоми плотно обвила руками его грудь.

– Ты что, там назвал меня «деткой»? – кивком указала она на место, где он ее спас.

Бывший военный вскинул голову и с абсолютно невинным выражением на лице произнес единственное слово на французском языке, которое знал:

– Moi?! (-Я?!)

Мотоцикл тронулся с места, и мозг профессора Теодора Эмиля Шлоцмана лопнул под передним колесом, как перезрелый помидор. Стив самодовольно ухмыльнулся, и двухколесная машина помчалась к...

Фред закрыл книгу. По-хорошему, это стоило сделать несколькими страницами раньше. Боль в глазах теперь распространилась еще и на лоб и нижнюю часть шеи. Большую часть времени ему удавалось не обращать внимания на постоянные головные боли, так как в основном они представляли собой лишь тупое пульсирующее нытье. Но в последние несколько дней мигрень была почти невыносимой.

Фред лег на спину; кожа противно липла к гладкому гранитному полу. Подложив под голову засаленный заскорузлый тряпичный валик, раньше служивший ему футболкой, он постарался сфокусироваться на центре потолка. Светильник над ним сверкал так, будто работал. В это время дня проникающий в небольшое оконце солнечный свет падал прямоком на граненый стеклянный плафон и, преломляясь, отбрасывал на кремовые обои десятки красивых радужных отсветов. Это было самое любимое время суток Фреда. Подумать только, в первый день он совсем не обратил внимания на причудливую игру света. *Единственное, по чему я буду скучать, выбравшись отсюда.*

Но вот солнечные зайчики исчезли. Солнце изменило положение.

Он должен был об этом подумать, спланировать все лучше. Если бы он знал, в какое время это произойдет, мог бы заранее подготовиться. И возможно, сейчас у него не раскалывалась бы голова. Надо было носить часы. Почему он всегда пренебрегал ими? Идиотизм. Сотовый телефон всегда показывал ему время, дату и... да вообще все. И вот теперь мобильник мертв. Как давно это произошло?

Подготовился, придурок, нечего сказать.

Фред закрыл глаза. Попытался помассировать виски. Плохая идея. Первое же вращательное движение пальцами привело к отслоению ногтей от кожи. Боль снова

навалилась на него всей тяжестью. Чертов идиот! Он медленно выдохнул, стараясь успокоиться. «Вспомни, как...»

Фред резко распахнул глаза и принялся шарить ими по стенам.

– Сто семьдесят девять, – считал он. – Сто семьдесят восемь. – Метод все еще работал. – Сто семьдесят семь.

Он все считал и считал... Пересчитывал заново. Каждый след окровавленной руки, отпечаток ноги, пятно от удара лбом, оставленное кем-то в безумной панике.

– Сто семьдесят шесть.

Вот что случается, когда теряешь самообладание. ХВАТИТ ОБ ЭТОМ ДУМАТЬ!

Способ неизменно помогал, хотя ему казалось, что процесс каждый раз занимает все больше времени. В прошлый раз он остановил обратный отсчет на числе сорок один. В этот – на тридцати девяти.

«Ты заслужил глоточек».

Подъем дался нелегко. Поясница болела. Колени ныли. Бедра, голени и лодыжки пылали огнем. Голова кружилась. Из-за головокружения он даже перестал потягиваться по утрам. Оно доставляло больше всего неприятностей. В первый раз он подскочил слишком быстро; так быстро, что на лице от падения осталась здоровенная гематома, которая не исчезла до сих пор. Но сейчас Фреду казалось, что он достаточно растянул процесс подъема. Неправильно казалось, болван. Он снова опустился на колени. Так будет безопаснее. Он удерживал голову повернутой вправо; в такой позе хочешь не хочешь, а все равно будешь смотреть вправо! Одной рукой ухватился за ободок, чтобы удержать равновесие, другой – погрузил пластиковую бутылку от колы в бачок. Вода была всего на несколько градусов холоднее окружающего воздуха, но и этого оказалось достаточно, чтобы к нему полностью вернулась ясность сознания. Надо больше пить, не только из-за опасности обезвоживания, но и чтобы нормально соображать.

Четыре глотка. Он не хотел переборщить. Водопровод все еще работает. Пока. Надо запasti воды впрок. Надо действовать с умом. Во рту пересохло. Он попытался прополоскать рот. Тоже никудышная идея. Во рту разом заболело все, что только могло: трещины на губах, язвы на нёбе, типун на кончике языка, который вскочил после того, как он в полубессознательном состоянии попытался высосать последние кусочки пищи, застрявшие между зубами. «Да, блин, удружил ты себе».

Фред непроизвольно посмотрел влево и тут же с отвращением мотнул головой – взгляд его уткнулся в большое, достигающее до пола зеркало. Надо же было так оплошать – не закрыть глаза. Крупнейшая ошибка за сегодняшний день.

Из зазеркалья на него смотрел унылый тщедушный доходяга. Бледная кожа, жирные волосы, налитые кровью ввалившиеся глаза. Он был гол. Униформа уборщика больше на нем не держалась. Организм продолжал жить только за счет собственных жировых запасов.

Неудачник.

Мышц нет, один жир.

Баба.

Пятнистая, покрытая волосами кожа обвисала неровными складками.

Жалкий кусок дерьма!

На противоположной стене позади него были другие отметины – зарубки-напоминания, сделанные им самим. День второй, когда он бросил попытки ногтями и зубами расширить проем двенадцатидюймового окна. День четвертый, когда у него в последний раз был твердый стул. День пятый – в этот день он перестал звать на помощь. День восьмой, в который он попытался съесть свой кожаный ремень. Он видел, что так делали пилигримы в одном художественном фильме. Хороший, крепкий ремень был, подарок ко дню рождения от...

Стоп, не думай об этом.

Тринадцатый день – в этот день у него прекратились рвота и понос. Черт возьми, что такого содержалось в том ремне? День семнадцатый, когда от истощения он уже и мастурбировать не мог.

Не надо.

Тут были отмечены все его дни. Дни слез, причитаний, мольбы Господу о спасении, тщетных призывов о помощи; каждый божий день, который заканчивался для него в позе эмбриона, поскольку тут не было места, чтобы хотя бы вытянуть ноги.

НЕ ДУМАЙ О НЕЙ!

Но он, конечно, думал. Думал о ней каждый день. Каждую минуту. Разговаривал с ней во сне, бредил ею в периоды полузабытья, когда уже не мог отличить грезы от реальности.

С ней все в порядке. Иначе и быть не может. Она всегда знала, как о себе позаботиться. Она и о нем продолжала заботиться, разве не так? Поэтому-то он и жил дома. Это она была ему нужна, а не наоборот. С ней все будет хорошо. Вне всяких сомнений.

Он старался не думать о ней, но все равно постоянно думал, и, разумеется, так же постоянно в голову лезли и другие мысли.

«Идиот! Не послушал предупреждения! Не смылся, пока имел возможность!»

«Идиот! Собственноручно обрек себя на заточение на этом пяточке – не уборной даже, а туалетной кабине размером с шифоньер, – а теперь вынужден пить из гребаного толчка!»

«Идиот! Не хватило смелости даже зеркало разбить и совершить благородный поступок, который стоило бы сделать. Теперь, если они вломятся, ты окажешься перед ними абсолютно беспомощным, черт возьми!»

Идиот! ИДИОТ!

– ИДИОТ!

Он произнес это вслух. Проклятие.

Громкие стуки в дверь заставили его вжаться в дальний угол. Их стало больше; Фред отчетливо слышал мычание, эхом разносящееся по коридору. Оно в точности повторяло звуки снаружи. В последний раз, когда он выглянул в окно, взобравшись на унитаз, мертвяками были запружены все улицы. Отсюда, с высоты девятого этажа, их толпы выглядели единой массой, волнующейся, будто океан, и уходящей вдаль, насколько хватало глаз. Наверное, теперь ими заполонен весь отель, каждый этаж, каждый номер. Первую неделю он через потолок слышал шарканье наверху. В первую ночь – вопли.

По крайней мере они не понимают, как открывается дверь-купе. Хотя в этом ему повезло; если бы это была не сдвижная, а самая обычная распашная дверь, если бы она была не сплошной, а пустотелой, если бы им хватило ума сообразить, как ее открыть, если бы дверь не была в стороне от главного входа в уборную, а находилась прямо позади него...

Чем больше зомби набивалось в спальню, тем большее их количество оказывалось затолканным в уборную. Если бы двери располагались на одной линии, суммарный вес мертвецов, их огромное количество...

Он в безопасности. Они не смогут сюда проникнуть, как бы ни скреблись, как бы ни ломились в дверь, как бы ни мычали... мычали. Туалетная бумага в ушах помогала уже не так хорошо. Слишком сильно пропиталась потом и серой и свалялась. Знать бы да сохранить немного бумаги, а не съесть весь рулон без остатка.

«Может, это и к лучшему, – успокаивал он себя. – Я должен буду услышать вертолет, спасателей, когда они придут».

Лучше уж так. Когда завывание мертвецов становилось нестерпимым, Фред брался за книгу – еще один маленький подарок судьбы, который он обнаружил, укрывшись здесь. Когда он отсюда выберется, надо будет отыскать владельца книги и поблагодарить его за то, что он забыл ее в туалете. «Приятель, только она мне и помогла не свихнуться!» – скажет он. Ну может быть, немного иначе. Фред насочинял уже по меньшей мере сотню красивых благодарственных фраз, представляя, что произносит их за кружкой пива или, что более вероятно, за пайком «БГУ». Именно так это называлось на странице 238: «Блюда, готовые к употреблению». Неужели их действительно приготавливают с помощью химических реагентов прямо в упаковке? Надо вернуться к тому отрывку и перечитать его снова. Впрочем, это завтра. Его любимой страницей была 361; с 361-й по 379-ю.

Начинало смеркаться. Сегодня он отложит книгу до того, как у него окончательно разболится голова. Потом, возможно, выпьет несколько глотков воды и ляжет спать пораньше. Фред нащупал страницу с загнутым уголком.

Праздник вымирания

Мы называли их «полутрупамии» и относились к ним, как к шутке природы. Они чертовски медлительны, неуклюжи и тупы. Тупы невероятно. Мы никогда не считали их угрозой. Да и с чего бы? Они существовали рядом с нами – скорее, под нами – с тех самых пор, как человек впервые слез с дерева и встал на ноги. Их появление периодически замечалось в самых разных уголках планеты. Фанум-Кочиди, Фискурхефн, мы все слышали истории этих мест. Один из нас однажды даже заявил, что лично присутствовал в Кастра-Регина во время вспышки заразы, хотя мы сочли его слова просто бахвальством. Веками они

предпринимали эпизодические попытки заявить о себе и наталкивались на такое же эпизодическое противодействие людей. Они никогда не были серьезной угрозой ни для нас, ни для светляков (так мы называли людей), которых пожирали. Они всегда представлялись чем-то несерьезным. Поэтому, услышав о небольшой эпидемии в Кампонг-Радже, я в очередной раз лишь посмеялся. О ней мне рассказала Лейла. Как сейчас помню ту жаркую безмолвную ночь десять лет назад.

– Это уже не первый случай. В смысле, в этом году. – В ее голосе сквозила легкая восторженность, как будто она описывала пусть и редкое, но вполне естественное явление природы. – Поговаривают, что подобное произошло в Таиланде, Камбодже и как будто в Бирме.

Я снова рассмеялся и, кажется, отпустил какую-то пренебрежительную реплику в адрес человечества: мол, сколько оно еще будет терпеть это отребье у себя под боком.

Об этой истории я вспомнил только спустя несколько месяцев. Слухи все не утихали. В этот период у нас гостил один приезжий из Австралии по имени Энсон. Энсон приехал, как он выразился, из «спортивного интереса» – хотел «почувствовать местный колорит». Австралиец произвел на нас обоих очень приятное впечатление – парень был высок, красив и очень-очень молод. Парню не довелось познать тех времен, когда еще не было телефонной связи и самолетов. Его чистые глаза светились неподдельным восхищением.

– Они добрались до Оза! – воскликнул он с почти детским восторгом. – Ну разве это не потрясающе?!

Мы стояли на балконе и любовались фейерверком над башнями «Петронас» по случаю Дня независимости Малайзии, поэтому оба решили, что парень имеет в виду салют.

– Поначалу я думал, что они могут плавать, – продолжал Энсон. – И знаете, вообще-то они могут, только они не плавают в традиционном смысле, а скорее идут по дну. Но в Квинсленд они попали другим путем. Там вроде были замешаны перевозчики незаконных иммигрантов из Юго-Восточной Азии. Говорят, очень грязный бизнес. Коррупция, и все такое. Вот бы мне хоть разок поглядеть на них! А то я, знаете, никогда их не видел... «во плоти», так сказать.

– А может, прямо сегодня и поглядим?! – неожиданно поддержала его Лейла.

Ее явно заразил энтузиазм нашего гостя. Я было заикнулся о том, что до наступления рассвета мы не успеем обернуться, но она оборвала меня на полуслове:

– Да нет, не туда. Съездим в одно местечко неподалеку прямо сейчас! Я слышала, около Джерантута, всего в нескольких часах езды отсюда, отмечена новая вспышка. Конечно, придется отмахать приличное расстояние через буш, ну так тем веселее будет экскурсия!

Удивительно, но я согласился. Сыграли роль месяцы слухов и бесконечных баек. Я признался им, как сейчас признаюсь и вам, что в действительности и сам хотел бы увидеть их «во плоти».

Будучи одним из нас, легко забыть, как быстро способен меняться мир. Как же много джунглей исчезло, что называется, в мгновение ока, уступив место автострадам, жилым кварталам и бескрайним плантациям масличных пальм. «Прогресс», «развитие»; а ведь,

кажется, еще вчера мы с Лейлой бродили по грязным неосвещенным улицам оловянного прииска под названием Куала-Лумпур. Подумать только, мы с ней уехали из Сингапура только из-за того, что наше предыдущее место обитания стало слишком «цивилизованным». Вот и теперь наш «лексус LSA» несея по широкой реке асфальта под лучами искусственного света.

Мы не ожидали встретить полицейский кордон, а полиция не ожидала встретить нас. Они не стали спрашивать, куда мы едем, проверять документы и даже закрыли глаза на то, что в двухместном автомобиле сидят трое, что было незаконно. Полицейский в белоснежных перчатках лишь махнул рукой, чтобы мы проезжали, при этом другая его рука нервно теребила пистолетную кобуру. Никогда не забуду его запах, как и запах второго полицейского и целого отряда военных у них за спиной. Я такой концентрации страха не ощущал с самого 69-го года, когда произошли волнения на расовой почве (О, что за славные то были времена!). Судя по выражению лица Лейлы, ей безумно хотелось возвратиться к полицейскому кордону. Должно быть, в моем взгляде она прочитала ту же мысль.

– Держи себя в руках, – шепнула она и игриво ткнула меня пальцем в бок. – Пьяному вести машину небезопасно.

Другой запах обрушился на нас спустя несколько минут, когда мы свернули с автострады и, преодолев лесной массив, въехали в рабочий поселок. В нос шибануло тяжелейшим зловонием гниющего мяса, смешанным с запахом нечеловеческого ужаса. Буквально через долю секунды до слуха донеслись отдаленные звуки выстрелов.

Окружающая инфраструктура, очевидно, была специально создана для работников местных плантаций. Ряды аккуратных домиков вдоль широких, недавно вымощенных улиц, магазины, кафетерии, пара начальных школ и большая католическая церковь – привычное явление в нашей стране из-за наплыва филиппинских гастарбайтеров.

Взобравшись на макушку церковного шпиля – самую высокую точку рабочего городка, – я принялся с интересом осматривать последствия разыгравшейся внизу бойни. Сначала мое внимание привлек орудийный огонь, потом я заметил лужи крови, полосы на земле, где кого-то волочили, и отверстия от пуль в стенах нескольких домов, оставленные автоматными очередями. Окна и двери многих строений были высажены внутрь, как если бы пали под натиском толпы извне. На тела я обратил внимание в последнюю очередь, видимо, потому что те уже остыли. Большая часть их была разорвана на куски и представляла собой мешанину из конечностей, туловищ, внутренних органов и бесформенных ошметков плоти. Некоторые трупы были в относительной целости, и я заметил, что у всех них в головах зияло по маленькому круглому отверстию. Я махнул рукой, намереваясь привлечь внимание Лейлы и Энона к месту побоища, но увидел, что оба уже устроились на церковной крыше неподалеку от меня. Должно быть, их привлекли звуки выстрелов.

На секунду я словно перенесся в прошлое, окунулся в ностальгические воспоминания о кровавом разгуле и пиршестве смерти, воцарившемся в те времена. На мгновение я снова оказался в пятидесятых, представляя, как крадусь сквозь джунгли в поисках человеческой добычи. Мы с Лейлой с неизменной теплотой отзывались о «чрезвычайной ситуации» той поры, вспоминая, как по запаху выслеживали в джунглях коммунистических мятежников

и командос Федерации, как нападали из темноты, а противник ронял оружие и делал в штаны от испуга, как жадно высасывали живительные капли крови из их неистово трепещущих сердец. «Только бы, – повторяли мы месяцами, – только бы чрезвычайная ситуация продлилась подольше».

Помню, кто-то сказал, что чем больше накапливается воспоминаний, тем меньше места в голове остается для разумных мыслей. Не могу утверждать за других, но лично я, реликт, чей древний мозг хранит в памяти истории жизней нескольких поколений, действительно периодически страдаю приступами рассеянности. То был как раз один из таких случаев. Погруженный мыслями в дела давно минувших дней, я рассеянно спустился со своего удобного наблюдательного пункта, завернул за угол церкви и почти нос к носу столкнулся с одним из них. Это был мужчина, во всяком случае, в недавнем прошлом. Левая сторона его тела была серьезно обожжена, тогда как правая оставалась целой и сохраняла подвижность. Из многочисленных, все еще дымящихся ран сочилась темная вязкая жидкость. Левая рука до локтя была начисто срезана то ли каким-то механизмом, то ли, что более вероятно, одним из тех здоровенных ножей, какими пользуются рабочие при сборе урожая. Мертвец немного подволакивал левую ногу, оставляя за собой на земле неглубокую канавку. Когда он двинулся прямо на меня, я инстинктивно отпрянул назад и пригнулся, ожидая нападения.

Но тут случилось неожиданное. Он спокойно проковылял мимо, не обернувшись. Более того, даже не скосил в мою сторону свой единственный уцелевший глаз. Я поводит рукой у него перед лицом. Ноль эмоций. Поравнялся с ним и несколько секунд прошагал бок о бок. Хоть бы хны. В своих экспериментах я дошел до того, что перегородил ему дорогу. Безмолвный мертвяк не только не остановился, но уткнулся в меня, даже не удосужившись выставить руки. Тогда я лег на тротуар у него на пути, но злосчастный полутруп прошелся прямо по мне, словно меня и не существовало! И тут я расхохотался.

Позже я осознал, как глупо было рассчитывать на какую-либо иную реакцию. С какой стати он должен был меня заметить? Я что, для него еда? Или «живой» в человеческом понимании этого слова? Эти существа подчинялись исключительно биологическому инстинкту, и этот инстинкт толкал их на поиски только «живых» людей. Для примитивного болезненного разума полутрупа я был практически невидимым, всего лишь препятствием, которое можно игнорировать, в лучшем случае – обойти. Несколько секунд я, словно ребенок, покатывался над абсурдностью ситуации, глядя, как это жалкое создание тащит свои изуродованные мощи. Затем я встал, хорошенько размахнулся правой рукой и со всей мочи врезал ему по затылку. Результат снова заставил меня захохотать: с легкостью слетев с плеч, голова грохнула о стену дома напротив и, отскочив, подкатилась к моим ногам. Единственный функционирующий глаз продолжал вращаться, глядеть по сторонам и, что поразительно, все так же не замечать меня.

Так я в первый раз лицом к лицу столкнулся с существами, которых светляки называли «зомби». Последующие месяцы можно охарактеризовать как «ночи отрицания». Мы продолжали жить как прежде, предпочитая не обращать внимания на сообщения о неуклонно нарастающей угрозе. Говорили и думали о полутрупах мы очень мало, да и официальных новостей об эпидемии почти не слушали. Вокруг нас только и говорили – как люди, так и наши сородичи, – что ходячие мертвецы есть уже на всех континентах и что их число неустанно увеличивается. Но на нас эта тема нагоняла тоску. Нам всегда

было скучно; такова уж плата за «условное бессмертие». «Да, да, я слышал о Париже, ничего нового». «Естественно, я знаю про Мехико! Кто не знает?» «О Господи, неужели мы снова будем помогать Москве?» В течение трех лет мы старательно закрывали глаза на проблему, а кризис меж тем усугублялся, и все больше людей либо погибали, либо превращались в упырей.

Но на четвертый год «ночи отрицания» стали тем, что мы иронично называли «ночами славы». Это случилось после того, как в мире открыто заговорили о глобальном кризисе и правительства разных стран начали обнародовать информацию о характере эпидемии. Вот тут-то система глобального мироустройства и дала трещину. Связи между государствами нарушились, национальные границы рухнули, а мир захлестнули крупномасштабные массовые беспорядки и множественные локальные войны. Наступило время, когда наш брат впал в состояние необузданного, торжествующего экстаза.

Десятилетиями мы сетовали на угнетающую зависимость от светляков. Железные дороги и электричество, не говоря уже про телеграф и проклятый телефон, и так не давали развернуться нашим кровожадным натурам. Но в последние годы с развитием телекоммуникаций и засильем террористов мы и вовсе стали ощущать себя словно за стеклянными стенами, где бы ни находились. Мы с Лейлой опять начали подумывать о переезде, как и тогда, когда уехали из Сингапура, но на этот раз решили вообще покинуть полуостров Малакка. Рассматривали вариант перебраться в штат Саравак или даже на Суматру, в общем, куда-нибудь, где свет цивилизации еще не успел проникнуть в темные закоулки так ценимой нами свободы. И вот теперь, когда этот свет стал меркнуть, необходимость в бегстве отпала сама собой.

Впервые за многие годы мы получили возможность свободно охотиться, не опасаясь мобильных телефонов или камер видеонаблюдения. Мы охотились стаями и иногда даже играли с тщетно сопротивляющейся жертвой. «Я уже и забыла, что такое настоящая ночь! – с восторгом воскликнула Лейла во время одной из наших охот в крошечной темноте. – О, как же восхитителен вкус хаоса!» Мы были безмерно благодарны полутрупам за те черные ночи, когда могли вволю поохотиться и заодно развеять привычную для нас скуку.

Как-то раз ночью, которую я буду помнить еще долго, мы с Лейлой сидели на балконе отеля «Коронейд», а под нами, на улице Султана Исмаила, правительственные войска метали стрелы трассирующих пуль в сторону приближающейся тучи мертвяков. Завораживающее зрелище: огромная концентрация военной мощи – испепеляющей, перемалывающей, стирающей в порошок, но все-таки неспособной остановить полутрупы. В какой-то момент нам пришлось спрыгнуть на плоскую крышу торгового комплекса «Сугей-Ван» (тот еще трюк, скажу я вам), когда ударная волна от авиабомбы обрушила на наш балкон целый ливень осколков стекла из выбитых окон отеля. Это было удачным решением, поскольку, как оказалось, на крыше комплекса ютились добрых несколько сот человек. Судя по открытым ящикам с провизией и бутылкам с питьевой водой, бедолаги прозябали здесь уже порядочно времени. От них несло потом, усталостью, а еще упоительным ароматом сильнейшего страха.

Из того, что произошло дальше, я толком и вспомнить ничего не могу, кроме разве что борьбы, паники и спин спасающихся от нас людей. Впрочем, нет, запомнил я одну девушку. Должно быть, она была из деревенских. В то время многие сельские жители

искали спасения в городах. Думали ли ее родители, что будут в городе в безопасности? Да и живы ли они еще? От девушки совсем не пахло ни скверной, которой обычно несет от современных городских жителей, ни лекарствами или спиртным, ни даже проклятым неистребимым смогом. Я как зачарованный наслаждался ее восхитительной чистотой, а позже проклинал себя за медлительность. Она прыгнула вниз без колебаний, не издав ни звука. Нырнула прямо в гущу стонущей, бурлящей массы.

Полутрупы двигались как машина, неторопливый, идеально отлаженный механизм, единственным назначением которого было превращение кричащего человеческого дитя в бесформенную кучу мяса. Я хорошо запомнил, как в последний раз перед смертью поднялась ее грудь и как девушка посмотрела на меня угасающим, но все еще осмысленным взглядом, прежде чем он потонул в море рук и зубов.

В детстве я с упоением заслушивался воспоминаниями одного старого европейца о временах падения Рима и страшно завидовал ему, поскольку старику посчастливилось жить в эпоху краха великой империи. «Половина цивилизации сгорела в огне, – хвастался тот, – половина континента погрузилась в тысячелетнюю анархию». Я в буквальном смысле слюной истекал, когда слушал его истории об охоте на людей на никем не контролируемых европейских землях. «Это было словно освобождение, подобного которому у вас в Азии никогда не было и, боюсь, никогда не будет!» Каким же незыблемым казалось его пророчество всего какой-то десяток лет назад. Но теперь, когда наше хрупкое общество рушится, словно карточный домик, его слова вмиг обернулись пустым звуком.

Не могу с уверенностью сказать, когда ликование сменилось волнением. Конкретный момент, когда это произошло, сложно определить. Лично для меня переломным моментом стал разговор с Нгуеном, моим старым другом из Сингапура. Высокообразованный и обладающий природным интеллектом, он был вьетнамцем по происхождению, однако молодые годы провел в Париже, студентом изучая французский экзистенциализм. Это может послужить объяснением, почему он никогда не искал для себя изысканных развлечений, чем нередко грешат представители нашего вида. Возможно, этим объясняется также и то, что Нгуен, насколько я знаю, стал первым, кто забил тревогу.

Мы встретились с ним в Пенанге. Нам с Лейлой пришлось покинуть Куала-Лумпур, после того как возникла угроза уничтожения всего квартала неприцельным огнем, который армия вела днем. Несколько подобных нам уже погибло таким образом. До той поры мы не до конца осознавали, насколько комфортной была наша жизнь в последние годы. Да, мы жили, словно в клетке, но чертовски комфортной. Большинство из нас давно позабыли, каково это – вести спартанский образ жизни в неприступных крепостях. Время охоты на ведьм давно прошло. Многие из нас жили, как светляки, в комфортных, а подчас и откровенно нескромных городских домах, если не сказать – дворцах.

В одном из таких дворцов, в сверкающем огнями небоскребе неподалеку от сиднейской бухты, некогда жил и Энсон. Как и многие другие города мира, его родной Сидней пришел в упадок, превратившись в кишасьую полутрупамии помойку. Подобно большинству наших сородичей во время войны, парень не устоял перед искушением и погряз в необузданном кровавом разгуле. По дошедшим до нас обрывочным сведениям,

однажды утром Энсон погиб в своем роскошном алькасаре, после того как австралийское правительство дало добро на применение военной силы. Доподлинно неизвестно, отчего рухнул небоскреб. Мы слышали самые разные предположения на сей счет – от ошибочного артобстрела здания до взрыва где-то в глубоких подземных катакомбах. Оставалось лишь надеяться, что несчастный Энсон принял быструю смерть, мгновенно распылившись взрывом на атомы либо сгорев под утренним солнцем. Неприятно было думать, что он, оказавшись в ловушке среди тысяч тонн обломков, умирает медленно и мучительно от жалящих лучей солнечного света.

Нгуен едва избежал подобной участи. Понимая, к чему все идет, он покинул Сингапур в ночь перед тем, как светляки начали ковровые бомбардировки. В тот вечер с набережной Джохора мы наблюдали за тем, как пылала его трехсотлетняя родина. Кроме того, Нгуенухватило ума не соваться в горнило Куала-Лумпура, а направиться прямо в Пенанг, недавно объявленный светляками «зоной безопасности». Город, занимающий всего несколько сотен квадратных километров побережья, буквально ломился от устремившихся в него миллионов беженцев. С людьми сюда стекались и десятки таких, как мы, причем некоторые прибыли аж из самой Дакки. Нам удалось прибрать к рукам несколько служебных помещений, выгнав из них предыдущих хозяев, и оборудовать жилища для отражения атак других захватчиков. Все недостатки по части удобств наши новые пристанища с лихвой компенсировали безопасностью. По крайней мере мы пытались убедить себя в этом, когда ситуация стала ухудшаться и толпы полутрупов подступили к Пенангу почти вплотную. Именно в одном из таких укрепленных жилищ после ночной охоты у близлежащего лагеря беженцев Нгуен впервые и высказал свои опасения.

– Я произвел расчеты, – заявил он обеспокоенно, – и результаты вызывают тревогу.

Вначале я не понял, о чем он толкует. Старшее поколение довольно туго соображает. Чем сильнее навыки общения переходят в плоскость воспоминаний, тем сложнее становится взаимопонимание.

– Голод, болезни, самоубийства, насилие, военные потери и, разумеется, зомби-эпидемия.

Должно быть, моя озадаченность проявилась со всей очевидностью.

– Люди! – досадливо воскликнул он. – Мы теряем людей! Эта сутулая нежить медленно, но верно истребляет человечество!

Лейла засмеялась:

– Они всегда пытались это сделать, и люди всегда ставили их на место.

Нгуен раздраженно мотнул головой:

– Не в этот раз! И не в таком тесном мире, как сейчас. Еще недавно людей на земле было больше, чем за всю ее историю! Обширные культурные и торговые связи объединяли людей, как никогда прежде! Вот почему эпидемия распространилась так стремительно и проникла так глубоко! Люди создали мир исторических противоречий. С одной стороны, они сближались между собой физически, с другой – отдалялись друг от друга в социально-духовном плане. – Он сердито вздохнул, увидев на наших лицах выражение

полнейшего непонимания. – По мере распространения людей по планете их желание обособиться от окружающих становилось все сильнее. Когда сокращение расстояний повлекло за собой резкий рост материального благосостояния, люди стали использовать это благосостояние, чтобы вообще отгородиться друг от друга. Вот почему, когда эпидемия стала расползаться, никто не призвал не то что к общемировой, но даже к общенациональной вооруженной борьбе! Именно поэтому правительства государств действовали в режиме относительной секретности, не достигая никакого результата, а их граждане продолжали пекся каждый о своей шкуре! Среднестатистический светляк не хотел видеть, что происходит, пока не стало слишком поздно! А сейчас ПОЧТИ слишком поздно! Я все рассчитал! Гомо сапиенс близок к точке невозврата. Скоро на планете будет больше полутрупов, чем людей!

– И что с того? – Никогда не забуду безразлично-небрежный тон, каким Лейла произнесла эти слова. – Что плохого в том, что светляков немного поубавится? Ты же сам сказал, что они слишком эгоистичны и глупы, чтобы помешать полутрупам охотиться на себя. Так какого черта мы должны о них беспокоиться?

Нгуен вытаращился на нее, как на сумасшедшую.

– Не поняла, – обреченно произнес он. – Ты действительно так ничего и не поняла.

Он помедлил немного, затем сделал несколько шагов назад и некоторое время молча бродил взглядом по ковровому покрытию комнаты, словно пытался отыскать в нем затерявшиеся где-то подходящие слова.

– Речь не о том, что их «немного поубавится», а о том, что они вымрут все! ВСЕ ДО ЕДИНОГО!

Теперь уже все, кто находился в комнате, дружно уставились на Нгуена, хотя его горящие глаза, полные гнева и укоризны, по-прежнему были прикованы к Лейле.

– Люди борются за свое выживание! И они проигрывают битву! – Он картинно всплеснул руками. – И когда последний человек исчезнет, как тогда, черт побери, ты, я, все мы будем существовать?!

Ответом Нгуену была гробовая тишина. Заглянув в лицо каждому из собравшихся, он продолжил:

– Вы хоть раз пытались жить не только сегодняшним днем, а немножко задумываться о будущем? Другой биологический вид конкурирует с нами за наш единственный источник пищи! Неужели никто из вас не способен понять, к чему это приведет?!

Тут я наконец осмелился взять слово:

– Но полутрупы должны будут когда-нибудь остановиться. Они должны понимать, что...

Нгуен оборвал мой невнятный лепет на полуслове:

– Они НИЧЕГО не понимают! И вы это знаете! Вам всем прекрасно известна разница между их видом и нашим! Мы охотимся на людей! А они на все человечество! Мы – хищники! Они – вирус! Хищники не истребляют кормовую базу под корень и регулируют собственную численность! Мы из тех, кто, разоряя гнездо, всегда оставляет в нем одно

яйцо! Наше выживание зависит от поддержания баланса между нами и жертвой. А вирус этого не знает! Он так и будет расползаться, пока окончательно не доконает носителя! И плевать ему, что, убив хозяина, он заодно прикончит и самого себя! Болезни неведомы такие понятия, как «самоограничение» и «будущее»! Она не способна просчитать долговременные последствия своего поведения, равно как и полутрупы! А мы можем! Но почему-то не делаем этого! Мы преспокойно наблюдаем за происходящим со стороны! Да что там! Мы ЛИКУЕМ! Последние несколько лет мы беззаботно танцуем на празднике собственного вымирания!

Кажется, тирада Нгуена заставила Лейлу заволноваться. Она, словно хищник, глядела на нашего приятеля немигающим взглядом, нервно покусывая клыками узкие губы.

– В светляках никогда не будет недостатка, – почти прошипела она. – Они неистребимы!

Это давно стало расхожим мнением. Традиционно в ход шли и исторические аргументы «когда такое было, чтобы люди не восставали против полутрупов?», и прагматические «да, нынешняя глобальная социально-экономическая система может исчезнуть, но не сами люди», и даже шуточные «пока люди прелюбодействуют направо и налево, недостатка в них не будет». Испокон веков среди представителей нашего племени бытовало мнение, пусть и выражаемое в разной форме, будто «недостатка в людях никогда не будет». Мы так отчаянно верили в это. А теперь «отчаяние» – единственное слово, которым можно описать нынешнюю фазу нашего существования. По мере того как численность полутрупов множилась, а люди сдавали бастиионы один за другим, избитый тезис «недостатка в них никогда не будет», словно устаревшая догма, звучал все более нелепо.

И все-таки эти догматики меня не тревожили. Мой дневной сон был нарушен с тех пор, как я, проникшись логикой Нгуена, начал самостоятельно «производить расчеты». Человечество действительно приближалось к переломной точке. Как и предсказывал вьетнамский мудрец, полутрупы спровоцировали цепную реакцию. В госпиталях, импровизированных лагерях беженцев и на улицах Пенанга штабеля умерших росли каждую ночь. А ведь полутрупы еще даже не дошли до нашей зоны – все эти смерти становились результатом голода, болезней, самоубийств и насилия.

Становилось ясно, что «недостаток» людей не просто возможен, а неизбежен, но что предпринять в такой ситуации? «Что предпринять?» – вопрос, который поначалу казался мне просто диким. Мне и себе-то было крайне странно задавать его, не говоря уже о том, чтобы обращаться с ним к другим. Теперь, когда мы столкнулись лицом к лицу с угрозой апокалиптического масштаба, есть ли какой-нибудь способ избежать ее? Конечно, была бы надежда, не будь мы расой бездеятельных паразитов.

Мы как те блохи, которые безучастно наблюдают, как их собака сражается за жизнь, но даже не задумываются о том, что могут оказать ей какую-то помощь. Мы всегда смотрели на светляков свысока, как на так называемую «низшую расу». Однако именно человеческий род, невзирая на природную хрупкость и смертность, стал творцом истории. Пока мы отсиживались в тени, люди учились и потом и кровью изменяли лицо мира. Это был их мир, а не наш. Мы никогда не испытывали чувства сопричастности к цивилизации «хозяев», никогда не считали нужным вносить вклад в ее развитие или, прости Господи, бороться за нее каким бы то ни было способом. В то время как на наших глазах проходили

войны, миграции народов, великие революции и прочие глобальные катаклизмы, мы думали лишь о том, как бы насосаться крови, обеспечить собственную безопасность и как-то развеять типичную для нас скуку. И сейчас, когда мировая история пошла путем, грозящим отправить нас в бездну, мы по-прежнему остаемся скованными путами своей почти генетической инертности.

Естественно, до всего этого я дошел уже потом. В ту ночь, когда я обходил охотничьи владения у озера Теменггор, мне было недосуг задумываться о таких высоких материях. Баррикады на пересекающем озеро Четвертом шоссе были наиболее поздним бастионом людей, отгораживающим их от стекающих сюда полчищ полутрупов. Уцелевшие части военного гарнизона решили не подрывать мост, а воздвигли на нем некое подобие фортификационного сооружения. Должно быть, армия все еще цеплялась за надежду взять под контроль дальний берег. Центральный остров объявили «карантинной зоной», и бывший природный заповедник превратился в огромное скопище «добровольных арестантов». Наш брат сразу смекнул, что это идеальное место для охоты на тех беженцев, которые, ничего не подозревая, слишком далеко отбивались от лагеря. В ту ночь пролились реки крови. Я уже оприходовал двух человек – причем допился до поноса – и как раз выискивал третьего. Раньше среди моего народа подобные вещи были неслыханны, однако в последнее время стали почти обыденностью. Возможно, распутство стало следствием своего рода гиперкомпенсации, неосознанной потребности взять ситуацию под контроль. Глубинные мотивы такого поведения мне до сих пор непонятны. Могу лишь сказать, что от былого восторга, какой я прежде испытывал во время охоты, не осталось и следа. Отныне по отношению к жертвам я испытывал только злобу; злобу и необъяснимое презрение. Я убивал со все более изощренной жестокостью. Издевался над своими умирающими жертвами и даже обезображивал их тела после смерти.

Я дошел до того, что однажды оглушил человека ударом по голове, но оставил в сознании, чтобы он слышал мои слова.

– Почему ты ничего не предпринимаешь? – издевательски кривлялся я пожилому мужчине прямо в лицо.

Старик был иностранцем и не понимал ни слова.

– Ну, давай! – ревел я. – Сделай что-нибудь!

Я, как сумасшедший, повторял одну и ту же фразу, словно мантру:

– Сделай что-нибудь, сделай что-нибудь, СДЕЛАЙ ЧТО-НИБУДЬ!

Оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что мое «сделай что-нибудь» было не столько издевкой, сколько завуалированным призывом о помощи. «Пожалуйста, сделайте что-нибудь. – Вот что мне следовало бы сказать на самом деле. – Ведь ваш вид обладает необходимыми инструментами и волей! Пожалуйста, сделайте что-нибудь! Найдите решение, которое спасет оба наших народа! Пожалуйста, сделайте что-нибудь! Пока вас еще много! Пока есть время! Сделайте что-нибудь! СДЕЛАЙТЕ ЧТО-НИБУДЬ!»

Но в ту ночь, на своем последнем пиршестве у озера Теменггор, я был слишком опьянен кровью, чтобы так поступить. Третьей жертвой стала дряхлая старуха, да еще и

сумасшедшая, как оказалось. Многие беженцы страдали от болезни, которую люди называли «военным неврозом». Увиденные ужасы, понесенные личные потери лишали людей рассудка. Фактически их физическая оболочка существовала отдельно от разума. Старая карга, на которую я напал, осознавала мое присутствие не более чем тот зомби. Когда я вскрыл ей вены, она издала, как мне показалось, легкий вздох облегчения.

До сих пор помню омерзительный вкус ее крови у себя на языке – водянистой, пресной, с привкусом веществ, выделяемых организмом при переработке собственного жира. Я уже подумывал бросить ее и пуститься на поиски четвертой жертвы, как вдруг мое внимание привлекла какофония воплей и стонов, более громких, чем обычно, и доносящихся с западной стороны моста.

Полутрупы прорвали баррикады. Я понял это сразу, как только вышел из джунглей. Воздвигнутая людьми стена из перевернутых машин и строительного мусора буквально кишела безмозглыми пожирателями плоти. Уж не знаю, то ли у защитников бастиона иссяк запас патронов, то ли храбрости, но солдаты улепетывали от надвигающейся лавины полутрупов во все лопатки. Через баррикады лезли сотни, если не тысячи живых покойников, растапывая своих же собратьев и формируя у основания заграждения пандус из утрамбованной мертвечины.

Я взлетел на мост и принялся звать Лейлу звуками, доступным только нашему слуху. Ответа не последовало. Попытался высмотреть ее в толпе спасающихся бегством людей, надеясь среди светло-розовой человеческой оравы заметить темно-янтарное свечение ее ауры. Напрасно. Я так и не увидел ничего, кроме объятых безумием светляков и полчищ завывающих полутрупов. То был первый раз, когда на меня нахлынуло это необычайно сильное и давным-давно позабытое чувство. Его нельзя назвать тревогой; что такое тревога, я прекрасно знаю. Тревога возникает при появлении потенциальной угрозы – огня, солнечного света или эволюции людей в новый подвид биомеханических существ. Возникшее ощущение не было тревогой, да и вообще не было результатом определенной мысли. Во мне словно проснулся какой-то древний первобытный инстинкт и завладел мной без остатка. Я не испытывал ничего подобного с тех самых пор, как мое сердце перестало биться несколько веков назад. Чувство было чисто человеческим. Это был ужас.

Странная это вещь – наблюдать за собой со стороны. Я запомнил каждый удар, каждый пинок, каждую секунду ярости, обрушенную мною на толпу полутрупов. Десять, одиннадцать, двенадцать разможенных черепов, очередная свернутая шея... Пятьдесят семь, пятьдесят восемь переломленных хребтов, разлетающихся на куски мозгов... Сто сорок пять, сто сорок шесть... Я считал каждого поверженного, а часы все тянулись и гора трупов росла. Одержимость – единственное определение, которым можно описать мое состояние в ту ночь. Я действовал безотчетно, словно одна из тех диковинных машин, коих понастроили себе светляки. Крушил противника безостановочно, пока вдруг меня не схватила чья-то рука. Я отпрянул, собираясь нанести удар, как вдруг встретился глазами с Лейлой.

Ее руки, черные и скользкие от гнили разлагающихся тел полутрупов, лихорадочно тряслись, а глаза горели животным блеском.

– Смотри! – проревела она, указывая на горы перемолотых мертвецов вокруг.

Все было тихо, только щелкали челюстями несколько оторванных черепов. Лейла занесла ногу над одной из голов, жадно хватаящей ртом воздух, и, натужно крикнув, впечатала ее в землю.

– Мы это сделали! – крикнула она.

В этот момент нас обоих распирало от гордости за то, что мы сотворили.

– Мы это сделали! – Пыхтя впервые за несколько веков, она махнула рукой на баррикады вдалеке, которые штурмовала очередная волна полутрупов. – Еще. – Ее шепот перерос в рев. – Еще. Еще! ЕЩЕ!

Следующие несколько дней мы лежали при смерти. Откуда нам было знать, что гнилостная жидкость в телах полутрупов настолько опасна. Яд проник в микроскопические ссадины, полученные в ходе ожесточенного контактного боя. Мы уже решили, что нам суждено стать последними жертвами той ночной схватки, в которой мы положили больше тысячи мертвецов.

– По крайней мере ты успел подкрепиться, – сказал Нгуен, придя в наше затемненное укрытие. – Я выяснил, что человеческая кровь – единственный антидот против вашей заразы.

Он принес с собой закуску – мужчину и женщину. Оба пленника отчаянно бились в путах и мычали сквозь кляпы.

– Я подумывал оглушить их, но предпочел удобству качественный лечебный эффект, – сказал Нгуен и приблизил шею женщины к моим губам. – Адреналин в крови ускорит процесс выздоровления.

– Почему? – спросил я, удивленный щедростью приятеля. Эгоизм – одна из основных черт представителей моего народа, и касается это как материальных благ, так и крови. – Почему ты решил сохранить для нас самое вкусное? Почему не...

– Вы оба стали знаменитостями! – заявил он с почти детским воодушевлением. – То, что вы сделали на мосту, то, чего добились... вы вдохновили наш народ!

Лейла, которая уже жадно высасывала кровь из шеи мужчины, посмотрела на Нгуена круглыми от удивления глазами.

Прежде чем мы оба успели вставить хоть слово, Нгуен продолжал:

– Вы вдохновили наших братьев в Пенанге. Пока неизвестно, чем занимаются другие наши братья за пределами зоны безопасности, но мы разберемся с этим позже. Самое главное сейчас то, что вы показали всем нам, как нужно действовать! Вы подсказали решение проблемы, выход из тупика! Теперь мы можем бороться сообща! Некоторые уже начали! За минувшие три ночи как минимум дюжина наших сделала вылазки за людские кордоны и нанесла удар в самое сердце приближающихся вражеских полчищ. Тысячи полутрупов сложили головы! За ними последуют миллионы!

Не знаю, что сыграло свою роль – речь Нгуена или живительная сила человеческой крови, – но меня мгновенно охватила неопишуемая эйфория.

– Вы спасли нас! – мурлыкал он нам в уши. – Вы объявили войну.

И война началась. Примеру, поданному мной и Лейлой у озера Теменггор, последовали многие другие наши соплеменники. Мы извлекли урок из прошлого, когда сражались против мертвецов голыми руками, что едва не стоило нам жизни, и теперь либо облачали руки в перчатки, либо обматывали их непроницаемой тканью. Кое-кто из наших наловчился драться вообще только ногами, освоив искусство боя сродни тем, что светляки называли «боевыми единоборствами». Такие «верховые танцоры», как мы их называли, прыгали по головам и плечам полутрупов вне досягаемости от их смертоносных рук и крушили черепа, словно яичную скорлупу. Это был воистину грациозный танец смерти, хоть с военной точки зрения особого практического смысла и не имел. Однако стремление к эстетизму – одна из немногих ярко выраженных черт, присущих нашей культуре.

К сожалению, на каждого верхового танцора приходилось такое же количество имитаторов – тех из нас, кто предпочитал действовать методами светляков. Имитаторы сражались человеческими инструментами: дубинками, огнестрельным и холодным оружием. Свой выбор они аргументировали тем, что оружие людей более эффективно, нежели голые руки и ноги. Многие из них останавливали выбор на том оружии, которое было распространено в эпоху и на территории их бывшего проживания. Так, нередко на поле боя можно было увидеть древнего китайца, орудующего широкими двуручными дадао, или малазийца, вооруженного традиционной шпагой «кериссунданг». Как-то ночью на Кэмерон-Хайлендз я даже видел одного старого западноевропейца, который стрелял из ржавого кремневого мушкета «Браун Бесс», только и успевая его перезаряжать. «Толкуй об Александре, болтай о Геркулесе, – напевал он, перезаряжая оружие. При этом руки старика мелькали с такой быстротой, что по скорострельности его древний мушкет мало чем уступал современным автоматам. – О Гекторе, Лизандре – воителях чудесных!» («Марш британских гренадеров», XVIII век)

Завораживающий спектакль, оставалось лишь удивляться тому, что порох с картечью у него, кажется, и не собирались заканчиваться. Где, черт возьми, он умудрился раздобыть и то и другое? И если уж на то пошло, где имитаторы вообще доставали экзотическое оружие и сколько времени занимал его поиск? Интересно, они действительно считали людское оружие эффективным, либо ими двигала подсознательная эмоциональная потребность вновь ощутить себя в том времени, когда в груди у них еще бились пыльные сердца?

Подозреваю, последнее было определяющим в действиях даже самых фанатичных имитаторов. Таких оголтелых мы называли «милитаристами», поскольку, подражая людям, они организовывались в военизированные «ударные группы». Они присваивали друг другу чины, звания и даже выработали внутренний протокол, включающий салюты и секретные пароли. За месяц в Пенанге и его окрестностях возникло сразу несколько «ударных групп».

Наиболее известным военным деятелем был «фельдмаршал Пенг» (не настоящее имя), командовавший «Армией кровной линии».

– План победы на стадии окончательного согласования, – сказал он мне в одну из ночей, указывая на карту Юго-Восточной Азии.

Снедаемые любопытством, мы с Лейлой решили нанести визит «фельдмаршалу» в надежде на то, что у него есть четкое понимание того, как выходить из плачевной ситуации, в которой оказался наш род. Но двадцать минут, проведенных в «штабе стратегического военного командования», развеяли наши иллюзии. Насколько мы поняли, армия состояла всего из полудюжины членов. Все они присутствовали здесь и занимались кто чем: изучали карты, возились со спутниковыми телефонами или читали книги по военной тематике. В черных мундирах, украшенных золотыми аксельбантами, кроваво-красных беретах и даже (я пишу это серьезно) солнцезащитных очках на людской манер они выглядели довольно карикатурно. Впрочем, их специфическая манера общения производила даже более нелепое впечатление, нежели внешний вид. «Позиционная оборона», «геостратегическая точка», «поиск и уничтожение противника» и «зачистить, закрепить и построить» – вот лишь некоторые термины, которые мы уловили среди потока чеканных реплик. Должно быть, наши недоуменные взгляды, которые мы бросали через плечо военачальника на «группу по стратегическому планированию», не ускользнули от его внимания.

– Финальный удар должен быть решающим, – твердо произнес он, улыбаясь и кивая в сторону своих подчиненных. – Поэтому пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ (Лозунг, под которым китайский лидер Мао Цзэдун провозгласил в 1957 году широкую кампанию по усилению гласности и критики).

– Если бы у нас хоть чего-нибудь была сотня, – вздохнула Лейла, когда мы покинули расположение «Армии кровной линии».

Мы также посетили штабы «Ночных крыльев», милицейского отряда «Голый клык» и несколько других милитаристских группировок. Увы, их общий вклад в дело борьбы с нашествием полутрупов был ничтожно мал.

Сила противника по-прежнему заключалась в количестве, причем не только в количестве себе подобных, но и в количестве времени. Нашему виду необходимо питаться, отдыхать, прятаться от солнечного света, в конце концов, чего нельзя сказать о противоборствующей стороне. Мы были вынуждены отступать с каждым восходом солнца, а разлагающиеся доходяги тем временем продолжали наступать, убивать и множиться. Места истребленных нами полутрупов каждый день занимали все новые ходячие мертвецы. А на каждый километр зачищенной ночью территории приходился аналогичный, где рассвет приносил новую заразу. Несмотря на все наши хваленые ратные подвиги, якобы «непревзойденный» интеллект и неоспоримое преимущество в «невидимости» для врага, мы бились безрезультатно, словно одинокий садовник с целым полчищем саранчи.

Лишь одна группировка могла улучшить наше бедственное положение, и называлась она «Сирены». Эти отважные воины посвятили себя поиску наших братьев по всему миру и объединению их в Пенанге ради дела консолидированной борьбы с неприятелем. Они считали, что только настоящая армия из сотен подобных нам, собранных в отдельно взятом месте, способна наконец положить начало очистке планеты от нечисти. Я восторгался их усердием, но мало верил в успех. Как после краха глобального транспортного сообщения преодолеть несколько сотен или даже десятков миль за одну ночь, до наступления рассвета? Даже если каждое утро посчастливится находить укрытие

от солнца, то как быть с питанием? Ведь нельзя рассчитывать, что получится «жить с земли» – каждую ночь набредать на изолированные людские поселения. Даже если у «сирен» и получится наладить контакт с сотоварищами, как они смогут убедить их, что Пенанг безопаснее мест, в которых те обитают? Да и вообще я с трудом представляю себе массовую миграцию в Пенанг. Чтобы наш брат пешком совершил кругосветное путешествие? Да ни в жизнь. То же можно сказать и о предполагаемых походах «армии». Тем не менее вопреки здравому смыслу я не терял надежды однажды увидеть подходящий к берегу корабль или внезапно появившийся в небе самолет (можно подумать, хоть кто-нибудь из нас когда-нибудь учился пилотировать).

Во время ночных сражений я не переставал мечтать о том, что когда-нибудь увижу, как из темноты ночи словно по волшебству вдруг выйдут сотни других моих соплеменников. Мне доводилось быть свидетелем подобных сцен в истории человечества; в местах вроде Сталинграда или Эльбы, ставших символами новых надежд и окончательных побед. Толпы братающихся людей, обнимающихся, пожимающих друг другу руки. Эти образы, дразнящие и мучительные, все время тревожили мой прерывистый сон, пока я напрасно ждал «сирен».

Оставались, правда, и другие варианты спасения, но только ценой нарушения незыблемых традиций. Наша раса не имеет «религии» в том духовном смысле, которое вкладывают в него светляки. Следовательно, и четкого кодекса морально-нравственного поведения у нас нет. В своей жизни мы строго следуем лишь двум правилам.

Первое – обращать в себе подобных не более одного человека. Это главная причина, почему наша популяция не увеличилась с течением времени. Доподлинно неизвестно, но скорее всего это негласное табу проистекает от понимания хищником природного равновесия. Как сказал Нгуен, если по земле будет ходить слишком много хищников, оставлять одно яйцо в гнезде уже не получится. Вполне логично и разумно; более того, эпидемия полутрупов лишь подкрепила обоснованность такой трактовки баланса в природе. Но разве в этот раз, перед лицом грядущего триумфа полутрупов, мы не можем слегка изменить древним канонам?

Нас в Пенанге было около сотни – такого скопления представителей нашего вида в одном месте история еще не знала. Положим, четверть этого числа примкнет к «сиренам» и покинет зону, еще четверть изберет для себя путь бессмысленных военных игр на человеческий манер. Таким образом, оставалось около пятидесяти полноценных бойцов, способных сражаться всего несколько коротких ночных часов, до того как голод, усталость и неумолимый рассвет заставят ретироваться с поля боя. Но хоть количество поверженных полутрупов и исчислялось тысячами, оставались еще миллионы и миллионы других.

Мы могли бы уравнивать соотношение сил с помощью некоторого количества трансформированных светляков. Могли бы, действуя продуманно и аккуратно, обратить в наш стан лишь необходимый для победы минимум людей и при этом не нарушить баланс между пастухами и паствой. Сформировали бы силу, достаточную для зачистки сначала полуострова Малакка, затем всей Юго-Восточной Азии, а потом... кто знает? Человечество получило бы так необходимую ему передышку, время, чтобы сплотить ресурсы, и дальше,

уже без нашего участия, довершить процесс очищения планеты. Казалось бы, решение лежит на поверхности, и в то же время никто из нас не додумался пойти этим путем.

Второе неписаное правило, которое также никто не нарушал, заключалось в запрете на открытый контакт с людьми. Как и в случае с табу на бесконтрольное обращение людей в подобных нам, скрытность была естественным следствием стремления к выживанию. Разве могли мы, хищники, обнаружить себя перед жертвой? Раскрывшись, мы автоматически разделили бы судьбу саблезубого тигра, короткомордого медведя и прочих высших хищников, некогда любивших полакомиться человечиною. На протяжении всей людской истории мы существовали только в мифах и детских сказках. Даже сейчас, в разгар нашей параллельной борьбы за выживание, мы стараемся действовать незаметно от глаз светляков.

Но что, если мы покончим с этой игрой в кошки-мышки и открыто представимся своим ничего не подозревающим союзникам? В полном разоблачении надобности нет. Можно не объявлять о себе во всеуслышание перед невежественными людскими массами, а вступить в контакт лишь с немногими избранными. Допустим, не с малазийским правительством, а с каким-нибудь другим, «в изгнании», работающим в этом регионе. Поблизости обязательно должны находиться зоны безопасности, аналогичные нашей, и с какими-нибудь лидерами людей наверняка получилось бы достичь взаимопонимания. Мы бы и не просили многого, лишь права вести охоту, как раньше. Вожди гомо сапиенс никогда не брезговали жертвами среди своих соплеменников. Мы могли бы обговорить четкие правила охоты; например, отлавливать только тех беженцев, которые в водовороте войны потеряли все и которым нечего терять. Кто будет их оплакивать, да и вообще заметит исчезновение? Более того, среди людей наверняка нашлись бы желающие пойти на смерть добровольно. В самопожертвовании для светляков нет ничего нового. Некоторые, наверное, были бы даже горды в буквальном смысле пролить кровь во имя человечества. Сочли бы люди такую цену слишком высокой для спасения своего вида? И насколько рискованно для нас самих было бы открыть карты перед ними? Как и в случае с первым табу, я не знаю случаев, чтобы кто-то осмелился нарушить и этот неписанный закон. Утешением, хотя и слабым, служит лишь то, что трусость присуща не только нашему виду. За свою жизнь я повидал многих, как по эту, так и по ту сторону тьмы, коим не хватало храбрости поставить под сомнение собственные убеждения. Теперь я и себя причисляю к числу таких слабаков, которые страшатся спросить себя: «А почему бы и нет?», предпочитая туманной перспективе полное забвение.

В день, когда пал Перай, я не видел снов. Перай был крупнейшим скоплением лагерей беженцев в зоне безопасности Пенанга, из-за чего многие из нас обосновались прямо на противоположном берегу реки Баттерворт. Там, на основной территории зоны, добывать пищу было гораздо легче, чем на острове, где правительство ввело комендантский час. Именно Перай служил нам опорой, ежедневно питая кровью перед ночными схватками. Но служил он опорой и для людей, оставаясь последним центром производства военного снаряжения.

Когда началась атака, я крепко спал после своей самой ожесточенной схватки за последнее время. Ночью три десятка наших украдкой перебрались через защитную стену светляков вдоль узкого участка реки Джуру и нанесли удар в самое сердце огромного скопища полутрупов на подступах к Ток-Панждангу. Возвратились мы до крайности

измотанные и опустошенные, так как ни на йоту не смогли приостановить продвижение мертвецов. Сквозь тонкие стены нашей экспроприированной квартиры мы слышали их коллективное завывание, разносимое утренним бризом.

– Завтрашней ночью все будет иначе, – заверила меня Лейла. – Джуру по-прежнему служит естественным барьером для светляков, а стена, которую они продолжают строить, с каждым днем становится все выше.

Нельзя сказать, что она меня убедила, но я был слишком утомлен, чтобы возражать. Мы упали в объятия друг друга и провалились в сон, еще не зная, какую бурю принесет с собой новый день.

Я проснулся кувыркающимся в воздухе, когда меня ударной волной отбросило к дальней стене спальни. Спустя мгновение кожу будто обожгло раскаленным добела железом. Взрывом выбило окна, и осколки стекла насквозь продырявили затемняющие шторы. Ослепленный проникшим внутрь дневным светом, с дымящимися ранами, я принялся кататься по полу, судорожно пытаюсь нащупать руками Лейлу. Но Лейла нашла меня первой – притянула к себе за пояс и прикрыла плечом.

– Не сопротивляйся! – крикнула она и набросила мне на голову мантию.

Прыжок, звук разбивающегося стекла, и вот мы уже на бетонном полу шестью этажами ниже. Вскочив, Лейла с быстротой молнии сразу куда-то умчалась – я лишь слышал разносящиеся эхом звуки ее шагов по морю стеклянных осколков.

– Что... – только и смог прохрипеть я.

– Фабрики! – крикнула Лейла. – Пожар, какое-то происшествие... Они здесь! Они повсюду!

Я почувствовал запах ее обгорелой кожи. Насколько сильно она подверглась воздействию солнечного света? Сколько времени есть еще в запасе, прежде чем она сгорит полностью? Три секунды, пока ее не было, показались мне вечностью. Но вот я снова почувствовал ускорение прыжка. Миг, и мы ныряем в прохладную воду. Лейла моментально выпускает меня из рук.

Капюшон мантии смыло с лица, и я увидел, что небольшие ожоги, полученные в спальне, теперь превратились в обширные пузырящиеся раны. Я догадался, что Лейла отправила нас в Малаккский пролив. Сейчас она тащила меня за руку к затененным участкам под днищами стоящих на якоре судов. Таких было множество, с опустошенными топливными цистернами и палубами, битком набитыми спасающимися людьми. Для светляков, окажись они на дне пролива на нашем месте, корабли, наверное, выглядели бы как тучи. Мы нашли укрытие под сенью нефтеналивного танкера. По иронии судьбы он был пришвартован прямо над затопленным прогулочным катером. Мы привалились спинами к искореженному корпусу яхты и сидели так некоторое время, не в силах пошевелиться из-за шока и изнеможения. Лишь когда сместившаяся тень вынудила нас изменить положение, я смог оценить степень повреждений Лейлы.

Ее тело было почти полностью обуглено. Сколько раз я предупреждал Лейлу не спать голой! Я как зачарованный смотрел на ужасную маску, бывшую некогда ее лицом, и на крошечные частички сгоревшей плоти, которые лениво поднимались с поверхности оголенной белой кости. Лейла всегда так кичилась своей безупречной внешностью, так

одержима ею была. Поэтому-то она и обратилась в одного из нас несколько веков назад. Самым жутким кошмаром для нее было лишиться красоты. В морской воде моих слез не было видно, за что я был благодарен судьбе. Вымучив ободряющую улыбку, я обнял Лейлу за почти полностью скелетированные плечи. Дрожа в моих объятиях как осиновый лист, она приподняла обугленную руку и указала в сторону пляжа Пеная.

Там, в облаке взбаламученного ила, по дну брели полутрупы. Разумеется, они нас не заметили, прошли мимо, словно нас и не существовало вовсе. Единственной их целью сейчас был пенангский остров, последнее укрытие людей. Мы безучастно наблюдали за процессией, из-за истощения даже не в силах убраться с ее пути. Один мертвец прошел мимо так близко, что споткнулся о мою вытянутую ногу. Когда он плавно, будто в замедленном кино, стал падать, я потянулся к нему, чтобы подхватить. Не знаю, зачем я это сделал. Лейла поглядела на меня недоуменно, а я с таким же недоумением пожал плечами. Ее опаленные, растрескавшиеся губы растянулись в улыбке, да так сильно, что нижняя губа разорвалась надвое. Я притворился, что не заметил. Улыбнулся в ответ и прижал к себе еще крепче. Так мы и сидели неподвижно, наблюдая за шествием армии покойников, пока озаренный оранжевым океан не сменил цвет на синий, потом снова оранжевый, затем пурпурный и наконец на благословенный черный.

На берег мы вышли через несколько часов после заката, в самый разгар ожесточенного сражения. Теперь пришла моя очередь помогать Лейле. Хромающая и дрожащая, она повисла у меня на шее, и мы бросились сквозь батальное пекло, которым была охвачена вся береговая линия. В Джорджтауне мне удалось найти глубокое надежное убежище среди руин рухнувшего небоскреба «Комптар». Сейчас нам хватило и того, что укрытие было недоступным для светящихся и дневного света. Лейла неподвижно лежала на спине, а от ожогов на ее теле то и дело поднимался пар, но все, что я мог сделать, это держать ее за обезображенные останки руки и тихо мурлыкать песенку из ее далекой, почти забытой юности.

Мы провели среди развалин семь дней. Лейла восстанавливалась медленно. Каждую ночь с наступлением темноты я выбирался наружу и рыскал по округе в поисках крови. В Пенанге уцелело еще довольно много людей, которые продолжали отважно сражаться со все новыми толпами полутруп, выходящими из моря. Те дни выявили самых благородных среди людей и самых подлых среди нас.

Нет ничего ужаснее, чем видеть, как свой убивает своего. Жертва была меньше и слабее. Ее убил крупный мужчина, чтобы завладеть пойманным ею человеком, который, как мне показалось, к тому моменту уже едва дышал. Безумие. Ведь живых светящихся в городе было еще в достатке. Зачем драться из-за конкретно этого? Безумие, не иначе. Столько людей сошли с ума. А мы чем лучше? За те семь ночей я стал свидетелем нескольких других случаев убийств, одному из которых не было вообще никакого разумного объяснения. Между собой сцепились двое мужчин примерно одинаковой комплекции; они кусались, рвали друг друга на куски, и каждый из них пытался вырвать противнику сердце. В тот момент мне казалось, что я буквально зрительно вижу вирус чистого безумия, охвативший моих братьев, зловещую силу, которая сталкивает их вместе, словно садист-ребенок игрушечных солдатиков. Позже мне даже подумалось, что это было и не братоубийством вовсе, а взаимно оговоренным самоубийством.

В сведении счетов с жизнью для моего народа нет ничего необычного. Бессмертие неизменно порождает отчаяние. Раз в сто лет или около того до нас доходили истории о том, что кто-то «отправился на костер». Раньше лично я никогда не сталкивался с самосожжением. Но теперь стал свидетелем подобных сцен каждую ночь. Сколько раз, обливаясь слезами, я молча наблюдал за тем, как мои товарищи – красивые, сильные, почти неуязвимые! – добровольно входили в полыхающие здания. Мне также довелось увидеть и несколько актов «самоубийства полутрупам», когда мои друзья намеренно вонзали клыки в гнилую плоть ходячих мертвецов. Но как бы ни больно было слышать их предсмертные стенания, разносившиеся по ночам, самой душераздирающей для меня стала ночь, когда я повстречал Нгуена.

Он прогуливался (иначе и не выразишься) по Макалистер-стрит среди останков полутрупов и мертвых тел светляков. Лицо его было умиротворенным, если не сказать радостным. Поначалу приятель меня не заметил; взгляд его был прикован к востоку, где уже начинал брезжить рассвет.

– Нгуен! – крикнул я раздраженно.

Не хотелось тратить ни минуты драгоценного времени на пути «домой». Охота давалась все труднее, и я думал лишь о том, как бы до восхода солнца доставить добычу Лейле.

– Нгуен! – снова в нетерпении заорал я.

Наконец после третьего оклика древний экзистенциалист обернулся и дружески помахал мне рукой с высоты руин древней разрушенной церкви, на которых стоял.

– Ты что...

Нгуен ответил на вопрос прежде, чем я успел его закончить:

– Просто ухожу в рассвет. – Его тон не оставлял сомнений в том, что он собирается сделать. – Просто ухожу в рассвет...

Я не рассказал Лейле об этом случае, как и умолчал обо всех остальных ужасах, творившихся за пределами нашей крохотной норы. Когда она до последней капли осушила принесенное мною полуживое человеческое тело, я налепил на физиономию максимально лучезарную улыбку и выдал заранее заученный текст:

– С нами все будет в порядке. Я придумал, как выкрутиться.

Строго говоря, идея возникла у меня еще в тот день, когда мы сидели под днищем танкера, а последние несколько ночей я ее просто вынашивал.

– Подсобное хозяйство, – начал я.

Она удивленно наморщила все еще не заживший лоб.

– Это причина, по которой светляки стали доминирующим видом на планете. На каком-то этапе эволюции они отказались от охоты на животных и переключились на их разведение. Мы будем делать то же самое!

Прежде чем она успела мне возразить, я прикрыл рукой ее растресканные губы.

– Вот послушай! На плаву все еще остаются сотни судов, на которых живут, вероятно, тысячи светляков. Все, что от нас требуется, это силой захватить один из таких кораблей, а потом отогнать пленников на какой-нибудь остров. Тут вокруг миллионы островов. Нам понадобится лишь один, достаточно большой, чтобы обустроить на нем ранчо светляков! Не исключаю даже, что на каком-нибудь острове такое ранчо уже существует! Островитяне думают, что обрели тихую гавань, но это пока мы там не появились! Мы превратим ее в ферму! Одна ночь насилия, чтобы уничтожить вожаков стада, и дело сделано. Остальные подчинятся. Мы будем упиваться ими, а они и пикнуть не посмеют! А потом мы начнем разводить светляков! Непослушных будем искоренять, как сорняки, а покладистых, наоборот, откармливать и скрещивать. Может, со временем даже получится убрать у поголовья большую часть интеллекта. Для этого у нас неограниченный запас времени! Полутрупы не будут вечно топтаться по земле, ты сама видела, что они разлагаются, так? Сама посуди, сколько им осталось? Несколько лет, ну пускай, несколько десятилетий. Мы просто переждем, пока они сами передохнут, а тем временем будем жить припеваючи на каком-нибудь атолле на полном обеспечении за счет возобновляемых источников крови. А еще лучше – гораздо лучше! – двинем на Борнео или в Новую Гвинею! Там наверняка до сих пор обитают племена дикарей, которых не коснулся геноцид! Мы можем стать для них вождями, да что там – богами! Нам даже не придется возиться с ними и убивать, они сами все за нас сделают – во имя новых богов! Вот увидишь, все получится! Мы сможем это сделать и сделаем!

К тому моменту я уже и сам искренне уверовал во всю эту галиматью. И не важно, что я понятия не имел, как захватить корабль, остров и как нам охранять гипотетическое «стадо» светляков, поддерживать их здоровье или хотя бы кормить. Мною настолько завладела мысль о Борнео и Новой Гвинее, что детали, касающиеся разведения людей, отошли на второй план. Самое главное, что я хотел поверить сам в себя, и хотел, чтобы Лейла поверила в меня.

Я должен был понять причину ее загадочной улыбки, которая так напоминала последнюю улыбку Нгуена. Должен был незамедлительно отрезать ей путь наружу бетонными обломками или даже собственным телом. И не должен был ложиться спать в тот день. Стоило ли удивляться тому, что я обнаружил на следующий вечер? Лейла, моя сестра, мой друг, мое прекрасное бездонное ночное небо. Сколько времени минуло с тех пор, как мы детьми смеялись и играли под теплыми лучами полуденного солнца, а в груди у нас бились горячие сердца? Сколько времени прошло с тех пор, как я последовал за ней во мрак? И сколько пройдет, прежде чем я последую за ней в рассвет?

Ночи нынче тихие. Крики людей и звуки выстрелов давно стихли. Полутрупы теперь повсюду, бродят бесцельно, куда ни кинь взгляд. С тех пор как я охотился на последних оставшихся в городе людей, прошло почти три недели и почти четыре месяца с тех пор, как моя любимая Лейла обратилась пеплом. Зато часть моего фермерского плана воплотилась в реальность. Многие светляки по-прежнему обитают на пришвартованных поблизости судах. Ловят рыбу, собирают пресную дождевую воду и надеются, что кто-нибудь когда-нибудь их в конце концов спасет. Хотя я стараюсь питаться как можно реже, популяция людей продолжает неуклонно снижаться. Я подсчитал, что у меня есть в лучшем случае несколько месяцев, прежде чем от моих клыков падет последний человек. Даже будь у меня знания и воля осуществить план племенного разведения, людей все

равно не хватило бы для поддержания стабильной численности поголовья. «Я произвел расчеты», как однажды выразился Нгуен, а факты – вещь упрямая.

Не исключаю, что кто-то из моих соплеменников попытался реализовать похожие «сельскохозяйственные» проекты. Может, кому-то даже удалось преуспеть. Мир вдруг снова сделался очень и очень большим, и кто знает, что там происходит за его бескрайними горизонтами? Полагаю, я мог бы предпринять попытку поискать колонии выживших, прихватив с собой в дорогу одного или двух человек в качестве провианта. Возможно, мог бы поддерживать в них жизнь какое-то время, давая пищу и воду, а в дневное время, пока сплю в защищенном от света укрытии, можно было бы сковывать пленников цепями. Помню, кто-то из армии «Сирен» высказывался в пользу такого метода выживания в походных условиях. Если распределить провизию экономно и двигаться в максимально быстром темпе, думаю, я мог бы покрыть весьма приличное расстояние. Но то, что я могу там обнаружить, продолжает удерживать меня на пенангском острове. По крайней мере неведение позволяет фантазировать. Фантазии – единственное, что у меня теперь осталось.

В них проклятые ходячие мертвецы не захватывают землю, а дети света и тьмы доживают до того дня, когда полутрупы превращаются в пыль. Вот почему я решил сохранить свои воспоминания на бумаге, дереве и даже стекле, оформив их в текст, который люди назвали бы «постапокалиптической новеллой». В своих фантазиях я не трачу последние отпущенные мне ночи на бесплодное мальтузианство. Мои слова должны послужить руководством к действию, предупреждением и в конечном счете поспособствовать выживанию расы, известной всем как вампиры. Я не хочу быть последней искрой огня, добровольно обрекающего себя на угасание. Не хочу быть последним танцором на празднике нашего вымирания.

Великая стена: история из «Войны против зомби»

Нижеследующее интервью автор взял в рамках своей официальной работы в Комиссии ООН по составлению послевоенного доклада. Несмотря на то что отдельные выдержки интервью фигурируют в официальном докладе, основная его часть не была включена в личный отчет Брукса, ныне известный как «Война миров Z», в силу бюрократической ошибки архивариусов ООН. Дальнейший рассказ представляет собой свидетельство выжившего в период величайшего кризиса в истории человечества, который многие сейчас называют просто «Войной против зомби».

Великая Китайская стена:

Раздел 3947-B, Шанкси, Китай

ЛюХуафен начинала карьеру в качестве продавца в универмаге «Такашимая» в Тайюне, а сейчас владеет небольшим магазином неподалеку от места своей бывшей работы. В эти выходные, как и во все первые выходные каждого месяца, она несет дежурство в качестве дозорного. Вооружившись рацией, сигнальной ракетницей, биноклем и «дадао» – модернизированным вариантом древнекитайского меча, – Лю в компании лишь «ветра и воспоминаний» патрулирует закрепленный за ней пятикилометровый участок Великой стены.

– Этот участок стены, на котором я работала, простирается от Юлиня до Шемню. Первоначально его построили в эпоху династии Ся из утрамбованного песка и армированной тростником земли, снаружи обложив толстым слоем обожженного глиняного кирпича. Это место никогда не значилось в туристских буклетах. Куда ему тягаться со знаменитым «хребтом дракона» – каменным участком стены, который возвели в период правления династии Минь. Здешняя стена была незатейлива и предельно функциональна, тем более к тому времени, как мы начали реконструкцию, от нее почти ничего не осталось.

Сказались тысячи лет выветривания, дождей и опустынивания. Да и последствия «прогресса» человечества сыграли негативную роль. В течение столетий жители окрестных деревень растаскивали стену по кирпичикам для своих строительных нужд. Современное дорожное строительство тоже не способствовало сохранности стены – целые пролеты уничтожали только потому, что они мешали прокладке «жизненно важных» наземных путей. Ну а кризис, эпидемия и последующая гражданская война за какие-то несколько месяцев довершили то, что в мирное время не успели сделать природа и человек. В некоторых местах от стены остались только расползающиеся холмы из песчано-земляного заполнителя. А кое-где и того не было.

Я не знала о планах нового правительства восстановить Великую стену в целях национальной безопасности. И даже не поняла вначале, что местное строительство и есть часть этого плана. На это место я набрела ночью. Оно было освещено фонарями и фарами нескольких поломанных машин. К тому моменту я находилась в пути уже девять дней, испуганная и до крайности измотанная. Вначале я не сообразила, на что наткнулась, видела лишь, что копошащиеся впереди силуэты принадлежат людям. Не знаю, сколько времени я простояла в нерешительности, но в конце концов меня заметил кто-то из бригады рабочих. Он подбежал ко мне и принялся что-то оживленно тараторить. В те времена тут говорили на множестве самых разных языков – местных диалектов, которые звучали для меня как тарабарщина.

Я попыталась жестами объяснить рабочему, что не понимаю ни слова. Он начал злиться, показывать себе за спину, где было что-то вроде строительной площадки. Там ударными темпами возводили какое-то сооружение, которое тянулось вправо и влево и скрывалось во мраке. Я снова, как дура, начала мотать головой, указывать себе на уши и пожимать плечами. Тогда рабочий сердито вздохнул и протянул ко мне руку. В руке у него был кирпич. Я было решила, что он собирается огреть меня им, и стала пятиться назад. Но он просто всучил мне этот кирпич, махнул в сторону стройплощадки и ткнул в спину, чтобы я шла туда.

Не успела я подойти к ближайшему каменщику на расстояние вытянутой руки, как он тут же выхватил у меня кирпич. Мужчина был из Тайюаня, поэтому я его легко поняла. «Какого черта ты ждешь?! – зарычал он на меня. – Нам надо много! Давай! Шевелись!» Вот так я и пополнила ряды строителей новой Великой Китайской стены.

Лю указывает рукой на монолитную бетонную конструкцию.

– После той авральной стройки она выглядела иначе, чем теперь. Сейчас вы видите результат послевоенного обновления и укрепления, которое отвечает более поздним стандартам безопасности. Тогда мы о таких стройматериалах могли только мечтать, ведь

большая часть жизненно важной инфраструктуры оказалась отрезанной на той, нехорошей, стороне стены.

– На юге?

– Да, на территории, где всегда жили лучше. На той стороне Китая, которую стена, все ее участки от эпохи Ся до Минь, собственно, и должна была защищать. Испокон веков стены проводили границу между обеспеченными и неимущими, между процветанием на юге и дикостью на севере. Даже в позднее время, в особенности в этой части страны, большая часть пахотных земель, фабрик, аэропортов, автомобильных и железных дорог – почти всего, что требовалось для выполнения грандиозного плана правительства, – располагалась в южных провинциях.

– Я слышал, какую-то часть промышленного оборудования во время эвакуации транспортировали на север.

– Только то, что можно было унести в руках, и то, что находилось в непосредственной близости от места стройки. Все, что было дальше, скажем, двадцати километров, а также в районах непосредственных боевых действий и в изолированных зонах в глубине зараженных территорий, так там и осталось.

Наиболее ценными ресурсами ближайших городов для нас были материалы, из которых сами эти города в свое время и строились: дерево, металл, строительные блоки, кирпичи. Многие кирпичи как раз те самые, которые крестьяне в свое время понатащали из стены. Из этих материалов, вперемешку с теми, что можно было добыть тут же, на месте, сооружалось хаотичное нагромождение, которое не описать словами. В дело шло все, что попадалось под руку: деревья из лесов Великой зеленой стены (Довоенный экологический проект, призванный остановить опустынивание), мебель, брошенные автомобили. Даже пустынный песок под ногами мы использовали для забутовки стены, смешивая его со щебнем. А еще мы его очищали и переплавляли в стеклянные кирпичи.

– Стеклянные кирпичи?

– Примерно вот такого размера.

Лю рисует в воздухе невидимый куб примерно двадцать сантиметров в длину, ширину и глубину.

– Эту идею подбросил нам один инженер из Шицзячжуаня. До войны он владел стекольной фабрикой и, когда узнал, что эта провинция богата преимущественно углем и песком, решил использовать и то и другое. Буквально в одночасье возникла целая индустрия по производству тысяч таких больших полупрозрачных блоков. Они достаточно тяжелые и прочные, чтобы выдерживать удары голых кулаков зомби. «Крепче плоти», как говорил инженер, правда, и острее, к сожалению, для нас; помощники стекольщиков иной раз забывали зашлифовать края кирпичей и грузили их на машины необработанными.

Лю выпускает эфес меча из руки и показывает ее мне. Пальцы скрючены, а прямо по центру ладони тянется глубокий белый шрам.

– Не догадалась чем-нибудь обмотать руки. Кирпич нанес порез до самой кости и повредил нервы. До сих пор не понимаю, как мне удалось избежать заражения и не умереть. Многим другим не повезло.

Жизнь была суровой, работать приходилось в бешеном темпе. Мы понимали, что с каждым днем полчища мертвяков с юга становятся все ближе и любая малейшая задержка может поставить крест на всех наших усилиях. Мы спали, если это вообще можно было назвать сном, прямо на рабочих местах. Ели на рабочих местах. И даже мочились и гадили на рабочих местах. Уборкой нечистот занимались дети – мы их называли «парашниками». Они обходили нас с ведрами и ждали, пока мы справим нужду, либо убирали ранее наложенные кучи. Мы пахали как проклятые и жили так же. Ночами я до сих пор вижу тысячи лиц людей, с которыми работала бок о бок, но так и не познакомилась. Времени на разговоры не было. Общались в основном жестами и междометиями. Во сне я все время пытаюсь найти время, чтобы поговорить с работающими рядом, узнать их имена, прошлое. Говорят, что сны бывают только черно-белыми. Может, это и правда. Может, только проснувшись, я вспоминаю сон в красках – светлую челку девушки, чьи волосы некогда были выкрашены в зеленый, или запачканный розовый женский халат, брошенный на плечи тщедушного старика в обтрепанной шелковой пижаме. Я вижу их лица каждую ночь, и все это лица умерших.

Очень много людей погибло. Бывало, присядет кто-нибудь на минутку, чтобы хоть немного перевести дух, и уже не встанет. Для таких случаев у нас были своего рода санитары, по сути – носильщики. Фактически они не могли оказать человеку никакой помощи, кроме как доставить того в медпункт. Чаще всего больной умирал по пути. Каждый божий день я несу в своем сердце их боль и чувство стыда за себя.

– Стыда?

– Невыносимо видеть, как они оседают или валятся прямо у твоих ног, а ты не можешь оторваться от работы, чтобы хотя бы посочувствовать, сказать что-нибудь в утешение или помочь удобнее устроиться до прибытия медиков. Единственное, что им было нужно в такой момент, – это вода, но вода требовалась всем нам. В этой части провинции вода была на вес золота, при этом большая ее часть уходила на приготовление строительного раствора. Нам выдавали меньше полчаши в сутки. Свою порцию я хранила в пластиковой бутылке от газировки, которую держала на шее. Нам строго-настрого запретили делиться водой с больными и ранеными. Мы были обязаны поддерживать себя в работоспособном состоянии. В этом есть логика, но видеть скрюченное тело умирающего, лежащего прямо посреди рабочих инструментов и булыжников, знать, что больше всего на свете ему нужен лишь маленький глоток воды...

Меня терзают угрызания совести всякий раз, как я думаю об этом, когда сама утоляю жажду, особенно потому, что когда настал мой черед умирать, мне по чистой случайности посчастливилось оказаться рядом с медпунктом. Я тогда была задействована на «стекольном конвейере» – стояла в длинной живой цепочке, которая обслуживала обжиговые печи. Работала там почти два месяца. За это время голод и лихорадка меня почти доконали. Я весила меньше кирпичей, которые бесконечной вереницей проходили через мои руки. Один раз, повернувшись, чтобы принять кирпич, я споткнулась и рухнула на землю прямо лицом вниз. Почувствовала, что два передних зуба хрустнули, а рот стал

заполняться кровью. Я закрыла глаза и подумала: «Вот и мое время пришло». Я была готова к смерти. Хотела, чтобы настал конец. Если бы в тот момент мимо не проходили носильщики, мое желание осуществилось бы.

Следующие три дня стали для меня днями стыда: я отдыхала, умывалась, пила воды, сколько хотела, в то время как другие продолжали пахать на стене, каждую секунду испытывая нечеловеческие страдания. Врачи сказали, что я пробуду в лазарете еще несколько дней – необходимый минимум для восстановления организма. Так бы и случилось, если бы однажды я не услышала крики дежурного снаружи пещеры.

«Красная ракета! – кричал он. – Красная ракета!»

Зеленые ракеты означали просто нападение зомби, а красные – что их количество зашкаливает. До того момента красные сигнальные ракеты были редкостью. Мне только однажды довелось увидеть такую, но и та была вдалеке – где-то в районе северной границы Шемню. Теперь они стали появляться по меньшей мере раз в неделю. Я выскочила из пещеры и понеслась к своему участку, а когда оказалась на месте, то увидела разлагающиеся руки и головы мертвецов, высывающиеся из-за недостроенной стены крепости.

Мы останавливаемся. Лю смотрит на камни под ногами.

– Вот тут, прямо тут. Они лезли вверх по своим затоптанным собратьям как по пандусу. Рабочие колотили их всем, что под руку попадалось, – инструментами, кирпичами, даже голыми руками и ногами. Лично я схватила трамбовку, это такая штукавина для уплотнения грунта. Массивная, громоздкая железяка метровой длины, у которой на одном конце по обеим сторонам горизонтальные рукоятки, а на другом – большой и неимоверно тяжелый цилиндрический камень. Трамбовкой пользовались исключительно самые здоровые и сильные мужчины нашей бригады. Ума не приложу, как мне удалось сначала поднять этот дрын, а потом еще, прицеливаясь, раз за разом обрушивать его на головы лезущих снизу зомби...

От таких ошеломляющих атак нас должны были защищать военные, но к тому времени в армии уже просто не хватало солдат.

Лю подводит меня к парапету стены с бойницами и указывает на какой-то объект приблизительно в километре к югу от нас.

– Вон, видите?

На таком расстоянии я могу различить лишь каменный обелиск, стоящий на вершине земляного холма.

– Под этим холмом зарыт один из главных боевых танков нашего гарнизона. У него кончилось топливо, и экипаж использовал машину как блиндаж. Когда и боеприпасы закончились, танкисты задраили люки и, замурованные внутри, выступили в роли приманки для зомби. Они очень долго держались после того, как у них иссякли запасы провизии и опустели фляги. «Сражайтесь! – кричали они по радио с механическим электрогенератором. – Достройте стену! Спасите людей! Закончите стену!» Последний из них, семнадцатилетний водитель танка, смог протянуть тридцать один день. К тому времени танка уже не было видно из-за целой горы зомби, которая на него навалилась.

Но однажды вся эта гурьба внезапно схлынула, почувствовав, что парень испустил последний вздох.

К тому времени мы почти закончили свой отрезок Великой стены. Разрозненные нападения зомби пошли на убыль, зато длительные осады несметных полчищ мертвяков стали происходить все чаще и чаще. Если бы мы столкнулись с таким количеством упырей в самом начале и если бы жители южных городов героически не проливали кровь, выигрывая для нас время...

Новое правительство понимало, что должно дистанцироваться от политики предыдущих руководителей, которых только что свергло. Ему необходимо было легитимизировать свою власть, и сделать это оно могло, только говоря с народом честно. Изолированные зоны не стали превращать в наживку для зомби, как это происходило во многих других странах. Людей прямо и открыто попросили не бежать, а остаться на местах. Каждому гражданину дали возможность самостоятельного выбора. За меня его сделала мама.

Мы прятались на втором этаже нашего некогда роскошного дома с пятью спальнями, расположенного в когда-то считавшемся самым элитным пригородном районе Тайюаня. Мой младший брат умирал, укушенный, после того как отец послал его в город поискать какой-нибудь еды. Он лежал в постели родителей без сознания и трясся в лихорадке. Отец сидел рядом, медленно покачиваясь вперед и назад. Каждые несколько минут он подзывал нас к себе. «Ему лучше! – говорил он. – Пощупайте его лоб. Видите? Ему становится лучше!» Неподалеку от нашего дома пролежала железная дорога, по которой шел поезд с беженцами. Представители комитета гражданской обороны заходили в каждый дом, чтобы выяснить, кто эвакуируется, а кто решил остаться. Мама собрала для меня небольшую сумку с вещами: одеждой, едой, парой прочных туфель и отцовским пистолетом с последними тремя патронами. На прощание она расчесала мне волосы перед зеркалом, как делала, когда я была еще маленькой девочкой. А потом сказала, чтобы я перестала плакать и что совсем скоро они тоже отправятся на север и нагонят меня. Знаете, у мамы была такая холодная безжизненная улыбка, которой она награждала только отца и его друзей. В тот день, когда я спускалась по разбитой лестнице, она улыбнулась мне так же.

Лю останавливается и со вздохом опускает искалеченную руку-клешню на камень амбразуры.

– Три месяца – столько времени потребовалось, чтобы связать воедино всю Великую стену. От Цзинтя в западных горах до головы Великого дракона в море Шанхайгван. Еще не было случая, чтобы мертвецам удалось ее проломить или перелезть через нее. Она дала нам передышку, необходимую, чтобы наконец сплотить нацию и наладить экономику военного времени. Мы стали последней страной, которая после долгих метаний приняла план Редекера. Как раз перед конференцией в Гонолулу. Сколько времени, сколько жизней было потеряно напрасно. Если бы дамба «Три ущелья» не была разрушена, если бы та, другая стена не пала, восстановили бы мы эту? Кто знает. И то и другое теперь служит напоминанием нашей недальновидности, высокомерия и позора.

Говорят, на строительстве оригинальной стены погибло столько народа, что на каждую ее милю приходится по одному умершему.

Не знаю, как было в старину...

Она барабанит скрюченными пальцами по камню.

– Но сейчас все именно так и есть.